

ГЕРОИ ЭМЛАДЫ

Annotation

Мифы Древней Греции. Эти народные сказания, пришедшие к нам из далёкой древности, полны поэзии и глубокого смысла. Пересказала для детей эти мифы русская советская писательница Вера Васильевна Смирнова (1898–1977). Первое издание было осуществлено в 1953 году.

- - [Герои Эллады](#)
 - [Аргонавты](#)
 - [Персей](#)
 - [Дедал и Икар](#)
 - [Тезей](#)
 - [Орфей и Эвридика](#)
 - [Геракл](#)
 - [Первый подвиг](#)
 - [Второй подвиг](#)
 - [Третий подвиг](#)
 - [Четвёртый подвиг](#)
 - [Пятый подвиг](#)
 - [Шестой подвиг](#)
 - [Седьмой подвиг](#)
 - [Восьмой подвиг](#)
 - [Девятый подвиг](#)
 - [Десятый подвиг](#)
 - [Одиннадцатый подвиг](#)
 - [Двенадцатый подвиг](#)
 - [Геракл в плену](#)
 - [Геракл освобождает Прометея](#)
 - [Конец Геракла](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Герои Эллады

Из мифов Древней Греции

Рассказала для детей Вера Смирнова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много-много веков назад на Балканском полуострове поселился народ, который впоследствии стали называть греками. В отличие от современных греков, мы называем тот народ *древними греками*, или *эллинами*, а их страну *Элладой*.

Эллины оставили народам мира богатое наследство: величественные здания, которые до сих пор считаются красивейшими в мире, прекрасные мраморные и бронзовые статуи и великие произведения литературы, которые люди читают и сейчас, хотя они написаны на языке, на котором давно уже никто не говорит на земле. Это «Илиада» и «Одиссея» — героические поэмы о том, как греки осаждали город Трои, и о скитаниях и приключениях одного из участников этой войны — Одиссея. Эти поэмы пелись бродячими певцами, и созданы они были около трёх тысяч лет назад.

От древних греков остались нам их предания, их древние сказания — мифы.

Греки прошли длинный исторический путь; понадобились века, прежде чем они стали самым образованным, самым культурным народом древнего мира. Их представления об устройстве мира, их попытки объяснить всё происходящее в природе и в человеческом обществе нашли своё отражение в мифах.

Мифы создавались тогда, когда эллины ещё не знали грамоты; складывались постепенно, в течение нескольких веков, передавались из уст в уста, из поколения в поколение и никогда не были записаны как единая, цельная книга. Мы знаем их уже из произведений древних поэтов Гесиода и Гомера, великих греческих драматургов Эсхила, Софокла, Еврипида и писателей более поздних эпох.

Вот почему мифы древних греков приходится собирать из самых разных источников и пересказывать их.

По отдельным мифам можно воссоздать картину мира, как представляли его себе древние греки. Мифы рассказывают, что сначала мир населяли чудовища и великаны: гиганты, у которых вместо ног извивались огромные змеи; сторукие, громадные, как горы; свирепые киклопы, или циклопы, — с одним сверкающим глазом посреди лба; грозные дети Земли и Неба — могучие титаны. В образах гигантов и титанов древние греки олицетворяли стихийные могучие силы природы. Мифы рассказывают, что впоследствии эти стихийные силы природы были обузданы и покорены Зевсом — божеством неба, Громовержцем и Тучегонителем, который установил порядок в мире и стал владыкой вселенной. На смену титанам пришло царство Зевса.

В представлении древних греков боги были похожи на людей и отношения между ними напоминали отношения между людьми. Греческие боги ссорились и мирились, постоянно вмешивались в жизнь людей, принимали участие в войнах. Каждый из богов занимался каким-то своим делом, «заведовал» определённым «хозяйством» в мире. Эллины наделяли своих богов человеческими характерами и склонностями. От людей — «смертных» — греческие боги отличались только бессмертием.

Как у каждого греческого племени был свой вождь, военачальник, судья и хозяин, так среди богов греки считали вождем Зевса. По верованиям греков, семья Зевса — его братья, жена и дети делили с ним власть над миром. Супруга Зевса, Гера, считалась хранительницей семьи, брака, домашнего очага. Брат Зевса, Посейдон, властвовал над морями; Гадес, или Аид, правил подземным царством мертвых; Деметра, сестра Зевса, богиня земледелия, ведала урожаями. У Зевса были дети: Аполлон — бог света, покровитель наук и искусств, Артемида — богиня лесов и охоты, Афина Паллада, родившаяся из головы Зевса, — богиня мудрости, покровительница ремесел и знаний, хромой Гефест — бог кузнец и механик, Афродита — богиня любви и красоты, Арес — бог войны, Гермес — вестник богов, ближайший помощник и наперсник Зевса, покровитель торговли и мореплавания. Мифы рассказывают, что эти боги жили на горе Олимп, всегда закрытой от глаз людей облаками, питались «пищей богов» — нектаром и амброзией, и все дела решали на пирах у Зевса.

Люди на земле обращались к богам — к каждому по его «специальности», воздвигали им отдельные храмы и, чтобы умилостивить их, приносили дары — жертвы.

Мифы рассказывают, что, кроме этих главных богов, вся земля была населена богами и богинями, олицетворявшими силы природы.

В реках и ручьях жили нимфы Наяды, в море — Нереиды, в лесах — Дриады и Сатиры с козлиными ногами и с рожками на голове; в горах жила нимфа Эхо.

В небе царствовал Гелиос — солнце, каждый день объезжавший весь мир на своей золотой колеснице, запряженной огнедышащими конями; утром выезд его возвещала румяная Эос — заря; ночью над землей грустила Селена — луна. Ветры олицетворялись разными богами: северный грозный ветер — Борей, теплый и мягкий — Зефир. Жизнь человека распорядились три богини судьбы — Мойры они пряли нить человеческой жизни от рождения до смерти и могли оборвать её, когда хотели.

Кроме мифов о богах, у древних греков были мифы о героях. Древняя Греция не была единым государством, она вся состояла из маленьких государств-городов, которые часто воевали между собой, а иногда вступали в союз против общего врага. У каждого города, у каждой области был свой герой. Героем Афин был Тезей, отважный юноша, защищавший родной город от завоевателей и победивший в поединке чудовищного быка Минотавра, которому отдавались на съедение афинские юноши и девушки. Героем Фракии был знаменитый певец Орфей. У аргивян героем был Персей, убивший Медузу, один взгляд которой превращал человека в камень.

Потом, когда постепенно произошло объединение греческих племен и греки стали сознавать себя единым народом — эллинами, появился герой всей Греции — Геракл. Был создан миф о путешествии, в котором участвовали герои разных греческих городов и областей, — о походе аргонавтов.

Греки с давних времен были мореплавателями. Море, омывающее берега Греции (Эгейское), было удобно для плавания — оно усеяно островами, большую часть года спокойно, и греки быстро его освоили. Перебираясь с острова на остров, древние греки скоро добрались до Малой Азии. Постепенно греческие мореплаватели стали осваивать и земли, лежавшие севернее Греции.

В основе мифа об аргонавтах лежат воспоминания о многих попытках греческих мореходов пробраться в Черное море. Бурное и без единого острова на пути, Черное море долго пугало греческих моряков.

Миф о походе аргонавтов интересен для нас еще и потому, что речь в нем идет о Кавказе, о Колхиде; река Фазис — это теперешний Рион, и там действительно в древности находили золото.

Мифы рассказывают, что вместе с аргонавтами в поход за золотым руном отправился и великий герой Греции — Геракл.

Геракл — это образ народного богатыря. В мифах о двенадцати подвигах Геракла древние греки рассказывают о героической борьбе человека с враждебными силами природы, об освобождении земли от страшного господства стихий, об умиротворении страны. Воплощение несокрушимой физической силы, Геракл является в то же время образцом мужества, бесстрашия, воинской отваги.

В мифах об аргонавтах и о Геракле перед нами встают герои Эллады — смелые мореходы, открыватели новых путей и новых земель, борцы, освобождающие землю от чудовищ, которыми её населил первобытный ум. В образах этих героев выражены идеалы древнего мира.

В древнегреческих мифах запечатлено «детство человеческого общества», которое в Элладе, по словам Карла Маркса, «развивалось всего прекраснее и обладает для нас вечной прелестью». В своих мифах эллины проявили замечательное чувство красоты, художественное понимание природы и истории. Мифы Древней Греции много веков вдохновляли поэтов и художников всего мира. В стихах Пушкина и Тютчева и даже в баснях Крылова мы не раз найдем образы из мифов Эллады. Если б мы не знали древнегреческих мифов, многое в искусстве прошлого — в скульптуре, живописи, поэзии — было бы нам непонятно.

Образы древнегреческих мифов сохранились и в нашем языке. Мы не верим теперь, что существовали когда-нибудь могучие великаны, которых древние греки называли титанами и гигантами, однако мы и сейчас называем великие дела *гигантскими*. Мы говорим: «муки Тантала», «сизифов труд» — и без знания греческих мифов эти слова непонятны.

Сами по себе древнегреческие мифы — народные сказания, пришедшие к нам из далекой древности, — полны поэзии и глубокого

смысла. Свободолюбивый Геракл, очищающий землю от чудовищ, смелые открыватели новых земель — аргонавты, Прометей, восставший против богов и давший огонь человечеству, — все эти образы стали достоянием мировой литературы, и каждый культурный человек должен их знать.

Аргонавты

Баран с золотым руном

Когда-то, в давние-давние времена, рассказывали греки, над городом Орхоменом проплывала высоко в небе туча. Воздушная нимфа Нефела (что и значит по-гречески «туча») увидела на горе над городом красивый дворец с белыми колоннами и широкими террасами. Ей захотелось узнать, кто там живёт, и она спустилась вниз, на каменные ступени дворца.

Навстречу Нефеле вышел хозяин дворца — орхоменский царь Афамант. Он приветствовал красавицу нимфу и пригласил её войти.

Нефела вошла во дворец и осталась там жить. Нимфа полюбила человека и стала его женой.

Прошло несколько лет. У царицы Нефелы родились близнецы — мальчик и девочка, Фрикс и Гелла. Царь Афамант радовался рождению детей. В Орхомене был весёлый праздник, жители города целый день толпились у дворца, чтобы приветствовать новорождённых.

Только Нефела была тревожна и нерадостна. Часто стала она задумываться, скучала, подолгу стояла на самой высокой дворцовой террасе и смотрела в небо. Душно, тесно ей стало в прекрасном дворце, её потянуло в небесные просторы, на волю. Однажды вечером она увидела в небе тучи, засмеялась от радости, поднялась к ним, забыв обо всём на свете, и ветер унёс её далеко от Орхомена.

Напрасно плакали во дворце маленькие Фрикс и Гелла и звали мать — нимфа Нефела больше не вернулась на землю.

Пусто и печально стало во дворце без царицы. Дети росли без матери.

В это время пришла к Афаманту просить приюта одна царевна, по имени Ино; её семью изгнали из города, где она раньше жила, родные её все умерли, и она осталась совсем одна, без крова и пищи, без всякой помощи.

«Одна ушла, не простясь, другая пришла без зова», — подумал царь Афамант и оставил у себя царевну. Он решил жениться на ней, чтобы она заменила детям мать.

Скоро Ино стала полной хозяйкой во дворце Афаманта. Царь полюбил её, и люди в Орхомене привыкли к ней — ведь она была не нимфа, а такой же человек, как они. Ино была приветлива со всеми, каждому старалась понравиться. Она ласкала Фрикса и Геллу, но они чувствовали, что она не любит их.

Потом у Ино родился сын, а через год — второй. Она уже не обращала больше внимания на пасынка и падчерицу и совсем перестала заботиться о них.

Годы шли. Афамант сильно состарился, и все ждали, что скоро Фрикс станет царём в Орхомене.

«Что же будет со мной и с моими сыновьями, когда сын Тучи сделается царём в Орхомене?» — думала Ино.

Царица решила избавиться от Фрикса, но она знала, что боги наказывают за убийство, и не хотела навлекать на себя гнев богов. Ино придумала коварный план.

Каждую весну охроменцы засеивали свои поля, а семена для посева получали из кладовых царя. В тот год люди, как всегда, пришли к царю за семенами. Ино поджарила зёрна и выдала народу семена, негодные для посева.

Пришло время, и зазеленели поля вокруг Орхомена, но то был не хлеб, а сорные травы. Семена царицы Ино не дали никаких всходов. В стране начался голод.

Люди не знали, отчего случилось несчастье, и думали, что боги гневаются на них. Решили обратиться к оракулу — предсказателю, который мог отгадывать все тайны прошедшего, настоящего и будущего. Царица Ино взялась спросить оракула, за что разгневались боги. Но она никого не стала спрашивать и сама приготовила ответ.

Вот что сказала Ино народу:

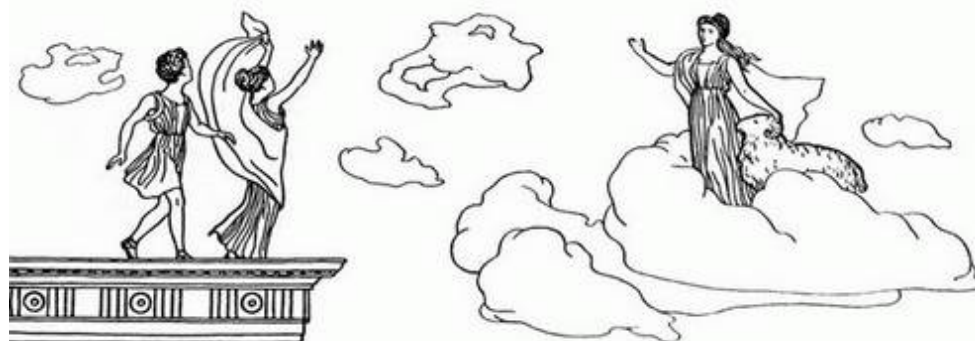
— Боги разгневались на то, что в Орхомене была царицей нимфа Нефела, которая самовольно покинула небо и стала женой человека. Боги не хотят, чтобы сын Нефелы стал царём в Орхомене. Убейте его — и тогда ваши поля будут снова давать вам хлеб. Такова воля богов.

Со страхом выслушали орхоменцы эту злую весть. Жаль им было погубить ни в чём не повинного царевича, но люди были покорны богам. И вот назначили день, когда торжественно, перед всем народом, на горе, при восходе луны должны были принести в жертву Фрикса.

Настал этот день. Рано утром брат и сестра стояли одни на высокой террасе дворца и печально смотрели на небо.

Гелла обнимала брата, плакала и звала мать:

— Помоги своим покинутым детям!

Мрачный стоял рядом с ней Фрикс и молчал — он думал, что мать забыла про них.

Вдруг далеко в чистом небе появилась тучка. Это нимфа Нефела, скитаясь по воздушным пространствам, услышала жалобный зов дочери и прилетела на помощь. Тучка приблизилась, опустилась — и мать обняла своих детей. Вместе с нимфой появился перед ними баран с золотыми рогами, с длинной золотой шерстью.

— Дети, — сказала нимфа, — я не могу вас взять с собою — людям не дано жить на небе. Но я дарю вам золоторунного барана. Он перелетает через горы, как птица, плавает в воде, как тритон, и бежит по земле быстрее ветра. Смело садитесь к нему на спину, и он унесёт вас отсюда. Доверьтесь ему. Он переплывёт с вами три моря и отнесёт вас в царство Ээта, сына Солнца. Ээт приютит вас и будет вам вместо отца. Прощайте! Спешите!

И нимфа вместе с тучей опять поднялась в небо и умчалась вдаль.

Фрикс и Гелла сели на спину золоторунного барана, и он унёс их от злой мачехи. Он перелетел с ними через горы, добежал до моря, бросился в воду и поплыл. Море было спокойно, и баран с детьми быстро плыл по волнам. Дети крепко держались за его золотую шерсть и друг за друга и не боялись. Так переплыли они первое море, и волны внесли их в узкий, длинный пролив, которым это море соединялось с другим. Здесь дул сильный ветер, и течение было такое быстрое, что

волны окатывали их с ног до головы. Гелла со страхом смотрела на пенистые гребни волн; у неё замирало сердце и кружилась голова.

— Крепче держись за меня, — говорил Фрикс сестре.

Но Гелла дрожала и вдруг, вскрикнув, выпустила руку брата и соскользнула с барана в воду.

— Гелла! — успел только крикнуть Фрикс.

Но девочка уже исчезла в водовороте. Закрыв глаза, Фрикс поплыл дальше один — прочь от этого страшного места.

А люди потом назвали ту часть моря, где утонула Гелла, Геллеспонтом — «морем Геллы».

Чудесный баран с золотым руном миновал второе море и по другому проливу выплыл в широкое бурное Чёрное море. Долго он плыл вдоль берегов, мимо чужих земель, не похожих на Грецию. Наконец он добрался до устья большой светлой реки, впадавшей в море, и дальше поплыл вверх по реке. На берегу с одной стороны был густой, тёмный лес с могучими, высокими деревьями — это была священная роща Ареса, бога войны. Вдали поднимались в небо вершины гор, покрытые снегом. На другом берегу реки виднелся большой город — столица Колхиды, Этова царства.

Золоторунный баран вынес Фрикса на берег. Фрикс вошёл в город и направился во дворец царя Ээта. Держа за рог золоторунного барана, сын Тучи явился к сыну Солнца.

Ээт принял Фрикса ласково и поселил у себя во дворце. Чудесного барана закололи в честь бога-Зевса, а золотое руно повесили на священном дубе в роще Ареса. Царь приставил страшного дракона стеречь дуб, чтобы никто не мог украсть золотое руно.

С тех пор стало богатеть царство Ээта. Земля в изобилии приносила людям свои плоды, и люди жили в довольстве.

Путешественники, побывавшие в Колхиде, разнесли по всему свету весть о чудесном золотом руне, приносящем богатство. Много смельчаков в ближних и дальних странах мечтали отправиться в Колхиду, чтобы хитростью или силой добыть золотое руно. Но это было опасное и трудное дело, и долго никто не отваживался на него.

В Фессалии, на берегу залива, был когда-то богатый и прекрасный город Иолк. В нём царствовал старый Эзон. Младший брат его, Пелий, человек крутой и властолюбивый, свергнул Эзона и сам стал править Иолком. Эзон покорился Пелию, но не захотел покинуть родной город и остался жить в Иолке как простой гражданин, а своего маленького сына Язона он, боясь Пелия, отослал в лес, на гору Пелион.

На склонах Пелиона в лесу жило дикое племя кентавров. Это полулюди-полукони: у них человеческая голова и торс человека на конском туловище с четырьмя ногами. Кентавры были свирепы и наводили ужас на мирных жителей страны, когда порой, как дикий табун, вихрем спускались с гор, топча посевы и губя под своими копытами всё живое.

Но среди этих диких существ был один старый кентавр Хирон, который славился мудростью. Ему-то и отдал Эзон на воспитание своего сына.

Много лет прожил Язон в горной пещере у Хирона. Старый кентавр закалил его тело, сделал юношу сильным и ловким, научил его владеть копьем и мечом, открыл ему многие тайны природы и учил быть хитрым в борьбе с врагами.

Пелий царствовал в Иолке. Ничто не угрожало царю в подвластном ему городе, но смутная тревога постоянно мучила Пелия. Часто обращался он к оракулам — предсказателям, спрашивая их, долго ли он будет жить и кто помешает его царствованию.

Однажды он спросил оракула, откуда ждать ему опасности. Оракул ответил:

— Бойся человека, обутого на одну ногу.

Пелий запомнил это и с тех пор, встречаясь с незнакомым человеком, прежде всего смотрел на его ноги.

Когда Язону исполнилось двадцать лет, он почувствовал себя сильным и крепким, готовым ко всем испытаниям жизни, и захотел вернуться домой. Он простился с Хироном, вышел из Пелионского леса, спустился с горы и направился по дороге в Иолк.

На пути ему встретилась маленькая горная речка, разлившаяся от весенних дождей. Ни моста, ни даже брёвнышка, перекинутого через поток, не было видно. Язон подобрал шкуру леопарда, которая служила ему плащом, и смело ступил в воду, решив перейти речку вброд.

Вдруг он услышал — кто-то зовёт его. Он оплянул и увидел: на камне у потока сидит старая женщина и со страхом смотрит на бушующую воду.

— Помоги мне перейти на тот берег, — сказала старуха Язону, — я уже давно сижу здесь и жду, и никто до сих пор не помог мне, старой.

Язон, не говоря ни слова, взял старуху на руки и, осторожно ступая по каменистому дну, перенёс её через речку. По дороге развязалась у него сандалия на левой ноге, и вода унесла её. Выйдя на берег, Язон бережно опустил женщину на землю и хотел продолжать свой путь, как вдруг услышал сильный, звучный голос:

— Спасибо, Язон, я не забуду тебя!

Он живо обернулся, но никого уже не было около него. Удивился Язон и пошёл дальше, раздумывая, кто была эта старуха и как она узнала его имя.

Вскоре Язон пришёл в Иолк и очутился на большой торговой площади, где было много народу.

Все с удивлением смотрели на незнакомца, молодого и красивого, с длинными, как у девушки, волосами, с пёстрой шкурой на плечах и в

одной сандалии.

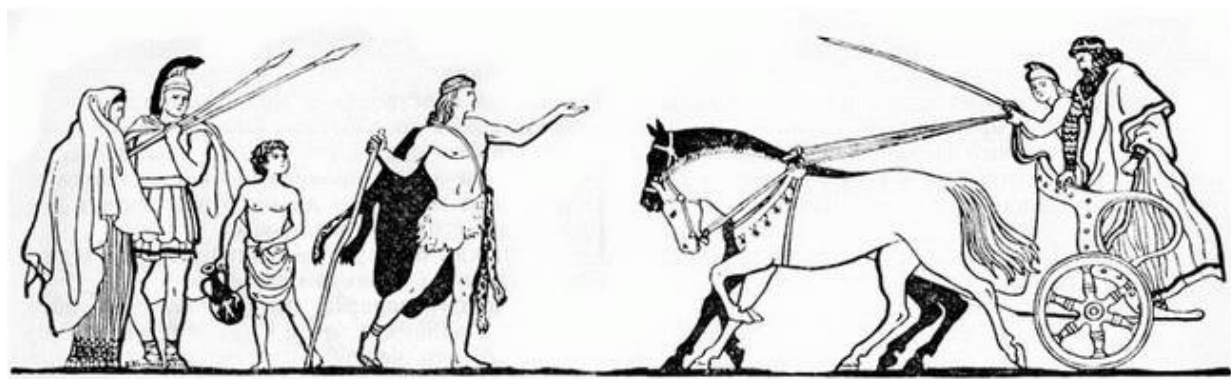
Юноша стал расспрашивать, как ему пройти к дому отца.

Вдруг застучали копыта, загремели колёса, и на площади в великолепной колеснице, запряжённой прекрасными фессалийскими конями, появился правитель Иолка — Пелий. Толпа расступилась, и Язон остался один перед колесницей царя. Пелий задрожал всем телом, когда увидел перед собой человека, обутого на одну ногу.

Царь остановил коней и спросил, нахмурившись:

— Скажи, кто ты, откуда ты родом и что тебе нужно в Иолке?

— Я не чужой здесь, — отвечал Язон, — я родился в Иолке. Я сын царя Эзона и пришёл получить обратно владение моего отца, отнятое у него насильно. Укажите мне дом моего отца, я хочу скорее его увидеть.

Загремела колесница и мгновенно умчала перепуганного Пелия. А жители Иолка, любившие старого Эзона, приветствовали юношу и проводили его к дому отца.

Старый Эзон заплакал от радости, увидев, каким могучим и прекрасным стал его сын. Весёлый пир был в этот день в доме Эзона, все родные и друзья праздновали возвращение его сына. Только одного Пелия не было на празднике. Мрачный сидел он в своём дворце, с беспокойством ожидая прихода Язона и думая, как бы погубить его.

Язон пришёл к Пелию с родными и друзьями, и это ещё больше напугало правителя.

Язон сказал Пелию:

— Я не буду биться с тобой. Мы не чужие, мы одной крови: ты брат моего отца, ты мне родной. Я не хочу мечом разрешать наш спор, хочу кончить дело миром. Верни мне добровольно власть, которую ты захватил силой, и я оставлю тебе всё твоё богатство, всю землю, с

которой ты собираешь урожай, и все твои стада и табуны коней, и твою колесницу, и твой дворец, и твои богатые одежды. Ты будешь доживать свой век в довольстве и покое, и я не трону ни тебя, ни твоих детей.

Но хитрый Пелий так отвечал Язону:

— Ты прав, сын Эзона, и я согласен отдать тебе то, на что ты имеешь право. Но справедливо ли, что ты хочешь получить это даром. Ведь я двадцать лет правил в Иолке и за эти годы тоже приобрёл право на него. Как же ты хочешь, чтобы я отдал тебе его без всякой отплаты с твоей стороны? Ты молод и полон сил, Язон, ты мог бы оказать мне услугу. Уже давно камнем лежит на мне кровная родовая обида, а ведь ты сам сказал: мы не чужие...

— Приказывай! — вскричал Язон гордо. — Обещаю сделать всё, что ты велишь.

— Слушай! — сказал Пелий. — Знаешь ли ты про золотое руно? Знаешь ли ты, что отец Фрикса и твой дед были братья, как твой отец и я? Знаешь ли ты, что случилось с Фриksom в Колхиде?

И Пелий рассказал Язону, что сначала царь Ээт любил Фрикса, выдал за него свою старшую дочь Халкиопу и сделал его своим наследником. Но потом Ээт вновь женился сам, и новая жена родила ему сына Апсирта. Тогда царь приказал Фриксу уйти прочь из Колхиды. Фрикс потребовал, чтобы царь вернул ему золотое руно. Услышав об этом, Ээт пришёл в бешенство и в безумном гневе убил своего зятя.

— Тень Фрикса не даёт мне покоя, — с притворной печалью говорил Пелий Язону, — она является мне по ночам и молит и требует, чтоб я отправился в Колхиду и отнял у Ээта золотое руно. Но я стар, и нет у меня сил на такое далёкое путешествие... Это должен исполнить ты, Язон! Добудь золотое руно, и ты отомстишь за Фрикса и сделаешь родной край богаче всех стран на свете, а я с радостью отдам тебе власть над Иолком.

Так говорил Язону коварный Пелий, а сам думал про себя:

«Отправляйся искать своей гибели! Где-нибудь ты найдёшь её — в бурном ли море, на чужом берегу или в гостях у коварного Ээта, — всё равно ты погибнешь, сын Эзона. Не видать тебе Иолка, как не добыть и золотого руна!»

Язон стал собираться в опасный и трудный путь.

Чтобы переплыть три моря и добраться до Колхиды, нужен был большой корабль, быстроходный и прочный, какого ещё не было в Греции. А чтобы совершить далёкое путешествие на большом корабле и силой или хитростью добыть золотое руно, Язону нужны были отважные и сильные товарищи — моряки и воины.

Полный раздумья, отправился Язон в Пелионский лес — искать дерево, которое могло бы стать основанием для его корабля. Скоро у подножия горы нашёл он огромную сосну и принялся рубить её. Вдруг он услышал звучный голос:

— Я помогу тебе, Язон. У тебя будет корабль, какого ещё не бывало у людей. Я дам тебе в товарищи лучших героев Греции и сама поведу вас сквозь бури и туманы, и ты добудешь золотое руно.

Язон узнал голос, благодаривший его за услугу, когда он перенёс через поток старуху. Это была сама богиня Гера, жена великого Зевса, которая решила помочь Язону. Она приказала ему доверить постройку корабля иолкскому строителю Аргу и упросила дочь Зевса Афину Палладу, покровительницу учёных и ремесленников, руководить работой. А пока строился корабль, Язон объехал всю Грецию, собирая себе спутников для дальнего плавания.

Отплытие

Из большой пелионской сосны, срубленной Язоном, сделали основание корабля. Приделали ему сосновые рёбра, скрепили их толстыми брёвнами; на них настлали палубу. Обшили корабль досками; в борту сделали круглые отверстия для вёсел и обшили их кожей. Посреди корабля поставили высокую, тонкую сосну с перекладинами и на них укрепили холщовый парус. В корму корабля вставили кусок священного дуба из рощи Додонской. Этот дуб был волшебный: в шелесте его листьев люди могли слышать свою судьбу. Строители корабля надеялись, что этот кусок додонского дуба укажет мореплавателям, что им делать в трудный час. На носу корабля вырезали из дерева прекрасную, голову богини Геры, покровительницы отважных путешественников, и покрыли её золотом: пусть сияет и блещет она впереди корабля, пусть издали видят все, что сама Гера ведёт корабль Язона.

Много времени прошло, пока наконец был построен корабль, осмолён, оснащён и спущен на воду.

И вот настал день, когда в гавани Иолка встал у причала чудокорабль, лёгкий на ходу, устойчивый на волнах, окрылённый парусом, быстрый и красивый. Его назвали «Арго» — в честь мастера, построившего его.

Шумно и весело было в Иолке. Пятьдесят отборных греческих юношей, цвет и сила всей Греции, съехались сюда, чтобы на «Арго» отправиться в далёкую Колхиду за золотым руном. Здесь были: могучий Геракл со своим юным другом Гиласом, братья-близнецы Кастор и Полидевк, никогда не разлучавшиеся, братья Пелей и Теламон из Фессалии, афинский царь Эгей, Лаэрт — царь острова Итаки, юный Адмет — родственник Язона, силач Идас и мудрый Амфиарай, умевший угадывать будущее; пришёл со своей кифарой^[1] знаменитый греческий певец Орфей; прилетели на могучих крыльях два сына бога ветра Борея — Калаид и Зет. И много других героев собралось в назначенный день в Иолке. Главным в походе был Язон, кормчим^[2] корабля — искусный и опытный моряк Тифис, его помощником — дальнзоркий Линкей, который видел всё, даже глубоко под землёй. Распределили места для гребцов, а на кормовое весло назначили двух самых сильных — Геракла и Анкея. Погрузили на «Арго» запасы еды, вина и пресной воды, чтобы не было в пути недостатка в питье и пище.

Последнюю ночь аргонавты — так называли они себя — провели на берегу моря, около своего корабля. Они пировали, слушали рассказы бывалых людей и чудесные песни Орфея и долго не могли уснуть.

Когда же занялась заря, Тифис поднял всех: пора было взойти на корабль. Гребцы сели на вёсла, кормчий стал у руля.

Язон налил полную чашу вина.

— За счастливое плавание! — воскликнул он и вылил вино в море — таков был обычай моряков перед отплытием.

Гребцы налегли на вёсла, и «Арго» понёсся по тихому заливу.

За Пелионским мысом, выйдя в открытое море, аргонавты поставили парус. Дул попутный ветер, и лёгкий корабль быстро поплыл вдоль гористых берегов Фессалии.

Вот кони Гелиоса вынесли на небо солнечную колесницу — взошло солнце. Радостными криками приветствовали аргонавты

первый день своего плавания.

Небо было безоблачно, море спокойно. Сердца были полны ожидания и надежды, верной спутницы мореходов.

Зазвенели золотые струны, и сильный голос Орфея заглушил плеск волн за бортом корабля.

Услышав песню Орфея, на поверхность моря выплыли дельфины и рыбы и поплыли за «Арго», как стадо, послушно идущее за пастухом.

На острове Лемнос

Аргонавты долго плыли вдоль берегов Греции, потом обогнули последний выступ Халкидского полуострова и вышли в широкое море.

Однажды вечером они увидели впереди на море огненно-красный остров. Сначала они подумали, что это заходящее солнце так окрасило высокие горы на острове. Но пришла ночь, всё потемнело вокруг, а неведомый остров словно пылал в темноте перед ними, и чем ближе подплывал к нему «Арго», тем ярче было зарево. Вдруг из вершины горы, возвышавшейся над островом, вырвался столб огня, поднялся

высоко в небо и с шумом и треском, рассыпая миллионы искр и раскалённых камней, обрушился в море.

Аргонавты столпились на палубе, любуясь величественным зрелищем, и спрашивали друг друга, что значит этот пожар среди моря.

Наступило утро, и огонь на острове погас, только густой дым шёл из горы, как идёт дым из трубы, когда в доме топится печь.

«Арго» приблизился к берегу. Чтобы волны не унесли корабль, аргонавты спустили на дно — оно было здесь неглубоко — большой камень, обвязанный крепким канатом. Другой такой канат был укреплен на корме: конец его сбросили на берег, и один из гребцов зацепил его за выступ скалы и завязал узлом.

Медленно сходили на берег аргонавты. Страшно было ступать на землю, внутри которой таился огонь: она казалась им горячей и зыбкой. Осмотревшись, они увидели вдали городские стены и направились к городу, чтобы узнать, как зовётся этот остров и что за люди здесь живут.

Прибытие аргонавтов было уже замечено в городе: едва они отошли от берега, где остановился «Арго», как из городских ворот появился большой вооружённый отряд и, грозно подняв оружие, двинулся им навстречу.

Аргонавты на всякий случай тоже построились в боевой порядок и приготовились к бою. Но дальнзоркий Линкей вдруг засмеялся и сказал:

— Остановитесь, друзья, опустите ваши мечи и копья: это женщины.

В самом деле, это были женщины в военных доспехах и с оружием в руках.

Аргонавты остановились и с удивлением рассматривали необыкновенных своих противников. Увидев, что пришельцы не собираются нападать на них, женщины тоже остановились и, посоветовавшись между собой, послали вперёд вестницу — узнать, что это за люди и зачем они высадились на острове.

Аргонавты сказали, что путь их лежал мимо острова, что они не замышляют ничего дурного, и просили разрешения осмотреть чудесный остров и запастись пищей и водой.

От вестницы они узнали, что это был остров Лемнос.

Здесь, в огнедышащей горе Мосихл, была кузница бога Гефеста, вечно горел священный огонь в горне. А когда у божественного мастера было особенно много работы и его одноглазые подмастерья — циклопы — сильно раздували огонь, искры летели высоко в небо и весь остров дрожал и сотрясался от подземных ударов могучего молота. Отсюда когда-то унёс титан Прометей маленькую искру, чтобы подарить людям огонь.

С удивлением узнали аргонавты, что на острове совсем нет мужчин.

В городе жили одни женщины; сами работали в поле и в мастерских, выполняли всякую мужскую работу. Охранять остров от нападений должны были тоже женщины.

Управляла этим женским царством молодая царица Ипсипила.

Когда вестница передала ей просьбу аргонавтов, царица велела всем женщинам собраться на площади, где они обычно обсуждали свои дела, и сказала:

— Милые сестры! Дадим чужеземцам хлеба, плодов и сладкого лемносского вина. Отнесём им на корабль наши подарки. Но пусть они скорее уплывают прочь, пусть не входят в наш город. Они могучи, эти чужеземцы, и мы не знаем, что у них на уме.

Но старая нянька царицы, седая Поликсо, возразила на это:

— Посмотрите на меня: я седая, я старая, я скоро умру. Когда старухи умрут, а молодые состарятся, кто будет впрягать быков в ярмо и пахать землю, и сеять хлеб, и срезать колосья в поле? Кто охранит город от нападения воинственных соседей и вас от тяжёлого рабства? Кто починит старый дом и построит новый? Кто будет жить после нас? Сами боги послали нам этот корабль и на нём пятьдесят отважных и сильных героев. По всему видно, что это не злые люди. Послушайтесь моего совета: позовите их к себе жить, пусть они останутся на Лемносе, пусть правят городом, пусть выберут себе жён и жёны родят детей, пусть станут пришельцы вам родными и будут вашей опорой во всяком деле и защитой от всех врагов.

Так говорила старая Поликсо, и женщины, подумав, согласились с ней.

Живо запрягли коней в колесницу, нагроузили её корзинами с плодами и кувшинами с вином и послали вестницу к аргонавтам — передать им дары и пригласить их на пир к царице Ипсипиле.

Аргонавты с радостью приняли приглашение, разоделись в лучшие свои одежды и отправились в город. Только Геракл с юношей Гиласом, Амфиарай и певец Орфей остались сторожить корабль.

Приветливо встречали женщины героев на улицах города, широко открывали перед ними двери.

Язона отвели во дворец царицы, и она сказала ему:

— Мы рады тебе и твоим товарищам. Будьте гостями у нас на празднике. Прославим владыку нашего острова божественного Гефеста и жену его — богиню Афродиту!

Аргонавты разошлись по всему городу, и начался весёлый пир.

Во время пира царица сказала Язону:

— Видишь, как прекрасен наш остров, как обильна наша земля. Полюби эту землю и, если хочешь, останься с нами, живи в этом дворце и будь царём в нашем городе. И товарищам своим прикажи остаться на Лемносе.

— Царица, — сказал Язон, — благодарю за ласковый приём, за доброе слово, но я не могу остаться и быть царём на Лемносе, как ни прекрасен твой остров и твой город. Мой путь далёк и долог, и я должен исполнить то, что обещал. Я должен добыть золотое руно.

Но опечаленная царица глядела на Язона так ласково, и так весело звучали песни в городе, и так беззаботно плясали красивые девушки на площадях и перекрёстках, а старая Поликсо так добродушно ворчала: «Куда торопиться? Зачем спешить за гибелью? Пусть опасность сама ищет героя...»

Пир сменялся пирами. Проходили часы, и дни, и ночи, а аргонавты и не думали возвращаться на свой корабль.

Долго ждал их Геракл, наконец отправился сам в город и стал бранить своих беспечных товарищей:

— Для того разве построен наш «Арго», чтоб волны били его о лемносский берег? Для того разве собирал нас Язон со всей Греции, чтоб пировать в гостях у женщин? Попутный ветер толкает корму «Арго», сильно натянут причальный канат, вот-вот оборвётся. Кто не хочет быть неженкой и нахлебником у женщин — вперёд, в путь за золотым руном! В путь, аргонавты!

Пристыжённые, словно с похмелья, собрались снова вместе аргонавты и стали готовиться к отъезду.

Лемносские женщины принесли им на корабль всего, чем богат был остров, и плакали, провожая героев, потому что успели уже их полюбить и не хотели расставаться с ними.

— Желаем вам счастья и в плавании и в вашем опасном деле, — сказала Язону, царица Ипсипила и тихо прибавила: — Если ты добудешь золотое руно и захочешь вернуться на Лемнос, я отдам тебе город, и власть, и свою любовь. Помни обо мне.

Но слезы были у неё на глазах, потому что она предчувствовала, что аргонавты никогда не вернутся на Лемнос.

Геракл поднял со дна камень, удерживавший на волнах корабль. Отвязали от лемносской скалы причальный канат, и, свернувшись змеей, он послушно лёг у ног кормчего.

Гребцы были все на местах.

Язон дал знак — враз взлетели вёсла, и «Арго» снова двинулся в путь.

Медвежья гора

Аргонавты плыли прямо на восток и долгое время ничего не видели вокруг, кроме моря и неба. Потом впереди показался берег. Между двумя грядами невысоких прибрежных холмов засинела узкая полоса пролива. Волны с шумом теснились в проливе, и белая пена билась у берегов.

Аргонавты приближались к тому месту, где утонула Гелла, упав с золотого барана.

— Геллеспонт! — сказал кормчий Тифис.

Быстроходному, лёгкому «Арго» не страшны были ни водовороты, ни быстрое течение, и аргонавты долго плыли по узкому, длинному проливу, с любопытством разглядывая близкий берег. Миновав пролив, они решили сделать остановку, прежде чем плыть через Пропонтиду — второе море, которое лежало на их пути. Они приблизились к берегу.

Перед ними была низкая зелёная равнина, покрытая сочной травой. Море глубоко вдавалось в эту равнину и образовало тихий залив. Узкая дорожка, словно земляной мостик, шла вверх, на высокую тёмную крутую гору, похожую на большого взъерошенного медведя.

Тихо и мирно было всё на берегу. Стадо жирных овец бродило по пастбищу; у самого моря сушились на солнце рыбачьи сети.

Аргонавты направили свой корабль в залив, нашли удобное место и причалили. Люди, жившие на берегу, встретили их приветливо. Это были долионы, простодушное и мирное племя.

Долионы рассказали аргонавтам, что ведут свой род от бога морей Посейдона, что Посейдон — их покровитель и защитник от всех врагов. Они показали на высокую гору, нависавшую над заливом, и сказали, что это Медвежья гора. На ней живут шестирукие великаны; они могучи и свирепы, но боятся Посейдона и потому не трогают долионов.

Скоро явился на берег и царь долионов. Он был очень молод, почти мальчик, безусый и нежный. Его звали Кизик, как и землю, на которой он царствовал. Кизик почтительно приветствовал героев и пригласил их на пир. Пир был очень прост — зажарили самых жирных баранов из царского стада и принесли плодов и вина. Юный царь был весел, повёл гостей на Медвежью гору — посмотреть на море, рассказал им, как лучше плыть, показал им свои луга и сады и подарил десяток лучших овец на дорогу.

Переночевав у гостеприимных долионов, аргонавты на следующее утро собрались в путь, простились с Кизиком и взошли на корабль.

Вдруг огромные камни словно сорвались с Медвежьей горы, полетели в воду около «Арго»; послышался дикий рёв, и путешественники увидели великанов. Они были вышиной с молодую сосну, и у каждого, как сучья у дерева, торчали шесть длинных рук: две, как у людей, — от плеч, две у пояса и ещё две по бокам. Великаны с шумом выворачивали камни из горы, отрывали целые скалы и

бросали в залив, чтоб загородить выход кораблю в открытое море. Каменные глыбы обрушивались в воду, грозя раздавить «Арго». Долионы в страхе разбежались, попрятались, и сами аргонавты смутились. Тогда Геракл схватил свой лук и, став на носу, начал поражать великанов стрелами. Один за другим, как подрубленные под корень деревья, падали великаны с горы в море. Прикрывшись щитами от камней и осколков, аргонавты сошли на землю и вступили в бой с шестирукими. Великаны были перебиты, и, оставив их поживой для рыб и птиц, аргонавты отплыли от Кизика.

Весь день «Арго» быстро плыл, удаляясь от Медвежьей горы. Когда наступил вечер и корабль был уже далеко от берега, в открытом море вдруг поднялся сильный ветер. Обрадовавшись ветру, аргонавты поставили паруса и легли спать, не заметив, что ветер был обратный. Ночью буря пригнала их назад к Кизику, но в темноте они не узнали места и подумали, что это какая-то новая страна на их пути. Они пристали к берегу и сошли на землю, грозно бряцая оружием.

Долионы в ночной тьме тоже не узнали аргонавтов. Услышав плеск вёсел и звон мечей, они подумали, что это морские разбойники, воспользовавшись бурной, тёмной ночью, напали на Кизик. Мечами и копьями встретили теперь долионы своих вчерашних гостей. До

рассвета шёл на берегу жестокий бой. Аргонавты были опытнее в бою и сильнее, и множество долионов было убито. Сам юный царь был насмерть поражён метким копьём Язона.

Когда же рассвело и стало ясно видно всё вокруг, противники с ужасом увидели, что в темноте ночи они сражались с друзьями.

Три дня и три ночи оплакивали аргонавты и долионы свою ужасную ошибку и гибель юноши царя. Его похоронили на берегу моря и на могиле насыпали высокий холм. И долго стоял этот высокий холм, и моряки с кораблей, входящих в гавань, сразу узнавали то место.

Ссора на корабле

Смутно стало на сердце у аргонавтов после злой шутки, которую сыграл с ними ветер. В молчании выполнял каждый свою дневную работу; не слышно было на корабле ни смеха, ни шуток, ни рассказов бывалых моряков. И Орфей не пел больше песен.

И море было беспокойно. Порывистый ветер всё время менялся, сердито дул и гнал корабль то в одну, то в другую сторону. Трудно было кормчему вести корабль, и большие волны мешали гребцам. Медленно двигался вперёд «Арго».

Вдруг сломалось весло у Геракла и мгновенно было унесено течением, только палка осталась в руках у героя. С досадой швырнул он обломок в сердитые волны и покинул своё место среди гребцов.

Язон сказал кормчему:

— Правь к берегу! Мы устали бороться с волнами, нужен отдых. И Гераклу нужно новое весло. Он найдёт его в лесу на берегу. Пристанем к земле!

Кормчий послушно направил корабль к земле, и скоро они пристали к пустынному берегу, поросшему густым лесом.

Геракл набросил на плечи львиную шкуру, которую он носил вместо плаща, взял свой меч, лук и колчан со стрелами и отправился в лес добывать новое весло. Усталые гребцы с удовольствием оставили вёсла, растянулись на траве и отдыхали в ожидании ужина, а юного Гиласа, воспитанника Геракла, которого он очень любил, послали поискать в лесу ручей и принести воды.

Весело подсвистывая птицам, Гилас шёл по лесу и прислушивался. Вот в стороне, за кустами, еле слышен ленивый лепет речных струй. Мальчик раздвинул кусты, и перед ним блеснула тихая лесная заводь. Было так тихо и такой ласковой казалась река в зелёных берегах, что Гилас без всякой опаски подошёл к воде и долго любовался, как чудесно отражались в реке кусты и деревья, и синее небо, и облака, плывшие над лесом, и он сам с большим кувшином в руках. Вдруг он увидел в прозрачной воде красавицу нимфу с зелёными волосами; она манила его и звала к себе на дно, где был такой чистый песок и мелькали разноцветные рыбки.

Мальчик испугался, поскорее хотел зачерпнуть воды кувшином, нагнулся, и в тот же миг две тонкие руки высунулись из воды, обняли его крепко за шею и потянули за собой. Выронив кувшин, с жалобным криком погрузился Гилас в воду.

Аргонавты услышали его крик. Полифем, друг Геракла, выхватив меч, бросился в чащу — он думал, что лесной зверь напал на мальчика, и поспешил на помощь. Но никого не нашёл он у реки, только разбитый кувшин лежал в воде у берега.

Между тем Геракл, углубившись в лес, нашёл молодую сосну, которая показалась ему годной для нового весла. С силой обхватив обеими руками ствол, он вырвал дерево с корнем. Довольный, он взвалил сосну себе на спину и понёс на берег моря, чтобы там обтесать её в форме весла. Услышав, что пропал Гилас, Геракл сбросил сосну на землю и отправился на поиски своего любимца. Но напрасно Геракл,

наклоняясь к земле, искал следы на траве и кустах — след Гиласовых сандалий виден был только на песке у самой воды.

Нет, не зверь лесной утащил Гиласа в свою нору, не хищная птица унесла его. Громко кричали Геракл и Полифем, оборачиваясь на все четыре стороны, звали: «Гилас! Гилас!» И слышали в ответ слабый отзвук — не то вздох, не то стон, будто откуда-то издалека отзывался им голос Гиласа. Они не могли понять, откуда шёл этот голос, и бросались в разные стороны. А голос шёл из воды, и если б они заглянули в реку, им было бы видно, как плакал и рвался к ним со дна бедный Гилас и как нимфы старались утешить его поцелуями.

Но друзья не знали, что пропавший мальчик был так близко от них, и отправились на поиски в лесную чащу. Всю ночь они блуждали по лесу и зашли так далеко от берега моря, что уже не могли слышать, что делалось на корабле.

Аргонавты хорошо отдохнули в эту ночь. Под утро, едва только взошла утренняя звезда, проснулся кормчий Тифис и увидел, что дует попутный ветер. Тифис разбудил товарищей и стал торопить с отъездом. Быстро собрались аргонавты. Ветер надул белый парус, и корабль понёсся дальше по волнам.

Взошло солнце, осветило корабль, и аргонавты увидели, что места Геракла и Полифема пусты. И не было мальчика Гиласа. Это была первая потеря в пути, и волнение охватило аргонавтов.

Как быть? Вернуться? Но ветер попутный... И они уже знают, как опасно возвращаться на старое место. Плыть дальше, бросить товарищей, оставить одних на чужой стороне... «Нет!.. нет!.. Пусть скажет Язон, что делать. Язон выбран старшим, Язон — начальник, пусть распоряжается Язон!» — так говорили аргонавты и окружили Язона, требуя его решения.

Но Язон молчал, словно не слышал, что ему говорили. Опустив голову, хмурый сидел он около кормчего и думал. Тогда Теламон, больше других любивший Геракла, закричал в сильном гневе:

— Чего нам ждать от Язона! Посмотрите, он спокоен. Один он спокоен. Я знаю: он всегда завидовал Гераклу, теперь он радуется — никто больше не помешает его славе. Может быть, он подстроил всё это нарочно. Он знал, что Геракла нет с нами, когда отплывал корабль... И Тифис — помощник Язона в этом злом деле... Нет, я не

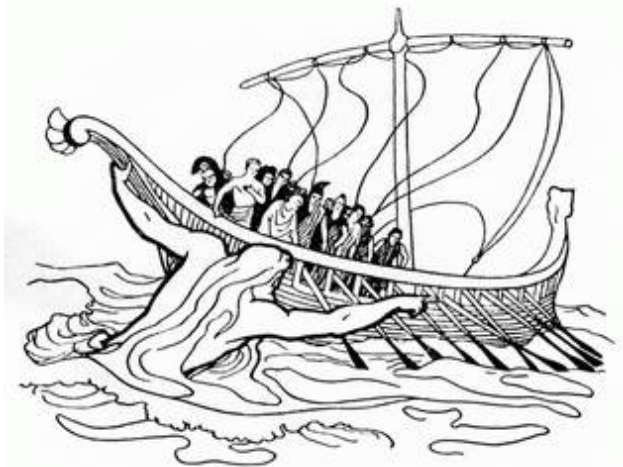
хочу плыть дальше с вами! Назад, назад! Слышишь, кормчий! Поворачивай назад, правь к берегу!

Сверкая глазами, бросился Теламон к Тифису и силой хотел вырвать у него руль, чтобы повернуть корабль. Дул сильный ветер, и поворот был опасен. Два сына Борея, крылатые герои, схватили Теламона за руки, старались удержать его и громко бранили. Вдруг нахлынула громадная волна, ударила в борт, могучая рука ухватила за корму и остановила корабль. Весь обвитый водорослями, лохматый, строгий, явился перед аргонавтами бог моря и грозно сказал:

— Перестаньте ссориться! Помните, куда и зачем вы плывёте. Не возвращайтесь, спешите вперёд! Не по злomu желанию Язона, а по мудрой воле Зевса остались на берегу ваши товарищи. Другие дела, иные подвиги ожидают Геракла. А вы плывите с Язоном дальше.

Сказал — и скрылся в морской глубине. Мгновенно утих, как ветер, гнев Теламона, и ему стало стыдно, что он обидел своего старшего товарища. Смущённый, подошёл он к Язону и тихо сказал:

— Прости мне дерзкие и грубые слова! Они рождены были печалью и гневом.

Язон простил Теламона и помирился с ним. Снова был мир на корабле, аргонавты дружно гребли, и «Арго» плыл по морю всё дальше, всё дальше.

В царстве бобриков

Поспешно уплывая с последней стоянки, аргонавты забыли пополнить запасы пресной воды, и скоро опять пришлось им заворачивать к берегу.

Приближаясь к земле, они увидели грубые, бедные жилища из камней и необтёсанных брёвен и людей в звериных шкурах дикого и воинственного вида. Заметив корабль аргонавтов, дикие люди с криками бросились к месту причала и столпились, как стадо, с любопытством ожидая высадки и не проявляя никаких признаков гостеприимства. Из толпы вышел человек огромного роста, в чёрном плаще, с тяжёлой дубинкой в руках.

Язон понял, что перед ним вождь этих диких людей, и, ступив на землю, обратился к нему.

— Привет тебе! — сказал Язон. — Будь добр, скажи нам, чья это земля и что за народ здесь живёт. Мы — аргонавты, вольные мореплаватели. Плывём из греческого города Иолка в далёкую Колхиду, чтобы добыть золотое руно, которое приносит людям изобилие и довольство. Не бойтесь нас, мы не причиним вам никакого зла. Мы только наполним наши сосуды свежей водой и поплывём дальше. Великий Зевс повелевает всем людям быть гостеприимными и не отказывать в приюте путешественникам...

— Не знаю никакого Зевса! — грубо оборвал Язона человек в чёрном плаще. — Я — Амик, у меня свой закон. Раз судьба занесла вас ко мне, в царство бибриков, узнайте, как я принимаю гостей. Смотрите! — И он показал дубинкой: у входа в селение на длинных шестах торчали высохшие человеческие головы. — Места хватит и для вас, морские бродяги! — засмеялся дикарь.

Бибрики тоже улыбались, довольные шуткой своего царя.

Амик продолжал:

— Всех чужеземцев, кто ступает на мою землю, я угощаю по-своему. Вот! — И он горделиво поднял свой кулак величиной с голову Язона. — Эй вы, мореплаватели, кто из вас самый сильный, пусть выходит со мной драться на кулачках! Кто меня победит — будет здесь хозяином, кого я побью — с того голову сниму на память... Ну? Принимаете моё угощение?

Еле сдерживая гнев, слушали аргонавты хвастливую речь царя бибриков. Не говоря ни слова, Язон стал снимать с себя оружие. Но его опередил Полидевк.

— Меня называли когда-то лучшим кулачным бойцом в Элладе, — сказал он товарищам, — позвольте мне усмирить этого бибрика. — И, обратившись к Амику, поклонился учтиво: — Благодарю за ласковый приём! Не будем терять времени. Я готов!

Великан посмотрел на Полидевка с усмешкой: юный герой едва доставал ему до плеча.

Но Полидевк спокойно снял с себя щит, меч и шлем и отдал в руки брату Кастору, чтобы он поберёг их во время боя.

Амик, сердито ворча, кинул прочь свою дубинку с такой силой, что пыль поднялась столбом. Противники сбросили на траву свои плащи и обмотали ремнями себе руки до локтя.

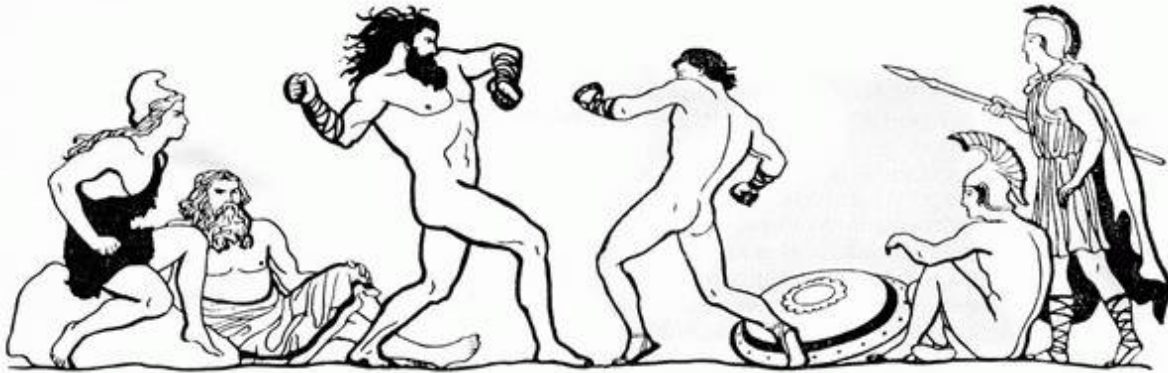
Бибрики жадной толпой окружили их. Аргонавты гордо стояли стройными рядами поодаль.

— Ну, малыш, сейчас тебе будет конец! — надменно сказал Амик, размахнулся и обрушил свой тяжёлый кулак прямо на голову Полидевка.

Но Полидевк увернулся вовремя и ударил легонько противника в живот.

— О-хо-хо! — захохотал Амик. — Ты увёртлив, крошка, но не дразни меня — я не люблю щекотки. — И, нагнувшись, с силой выбросил вперёд кулак, чтобы ударить юношу в середину груди, под сердце.

Полидевк прыгнул в сторону и с размаху ударил великана в висок так, что в голове у того зазвенело и красные круги поплыли перед глазами. Бибрик рассвирепел и, не помня себя, стал наносить удары налево, направо, куда попало, расходуя напрасно силы, потому что юноша аргонавт всякий раз успевал уклониться, отскочить назад и только старался измотать своего противника, а сам ждал удобного момента, чтобы нанести решительный удар. Как разъярённый бык, метался Амик из стороны в сторону, тяжело дыша, и пот крупными каплями катился с багрового лица и падал на землю, как дождь.

А юный грек, лёгкий и гибкий, ловко кружил около тяжеловесного бекбрика и вдруг, стремительно напав на него, ударил в висок — раз и другой — с такой силой, что рассёк ему череп.

Амик зашатался, упал на колени; кровь хлынула у него изо рта.

Подняв щиты, громко приветствовали победителя аргонавты.

Бекбрики же, увидев, что царь их убит, бросились на Полидевка с дубинами. На выручку брату поспешили с мечом Кастор и громадный Анкей со своей тяжёлой секирой. Пришлось аргонавтам принять неожиданный бой. Мечи скрестились с дубинами. Битва была недолгой. Бекбрики в страхе бежали; аргонавты преследовали их и учили гостеприимству.

— Мы пришли к вам с миром, мы не хотели вам зла, — говорил Язон. — Нам ничего не нужно было от вас, кроме доброго слова и свежей воды на дорогу. Запомните же теперь нашу заповедь: уважайте гостей и чужестранцев. По нашим следам приплывут другие — встречайте их как друзья, помогайте тем, кто отважно плывёт вперёд по неведомым морям, прокладывая путь для всех!

Язон приказал снять с шестов мёртвые головы чужеземцев, убитых Амиком, и похоронить их.

Перепуганные бекбрики принесли аргонавтам богатые дары и устроили пир. Герои перевязали свои раны и, забыв недавнюю распрю, весело пировали на берегу перед селением бекбриков.

Победно звенела золотая кифара, пел Орфей, и люди в звериных шкурах удивлённо слушали песни далёкой страны.

Аргонавты в Салмидессе. Голубь Финея.

Всё дальше на восток уплывал «Арго». Много дней уже аргонавты были в пути. Они миновали второе море, и скоро должно было открыться перед ними третье — последнее на их пути, самое широкое, бурное и неведомое море. Даже опытный моряк Тифис ничего не знал о нём. Аргонавты долго искали прохода из Пропонтиды в это новое море и, перед тем как пуститься в последний переход, решили отдохнуть и остановились у фракийского города Салмидесса.

Необычная тишина встретила их на берегу. Гавань была пустынна и заброшена, городские улицы безлюдны, дома заперты наглухо.

Аргонавты прошли по безмолвному городу и приблизились к царскому дому. Страшное запустение царило здесь. Все растения погибли в царском саду. Куча отвратительных нечистот лежала перед домом; солнце жгло их, и нестерпимая вонь стояла в воздухе. На раскрытых воротах сидели две громадные костлявые птицы и, спрятав головы под крылья, спали.

С изумлением смотрели на всё аргонавты и хотели уже поскорее пройти мимо, как вдруг услышали чей-то слабый зов. Они откликнулись. Из дома вышел, шатаясь, старик и направился к ним, протянув вперёд дрожащие руки и осторожно ступая, как слепой. Он и в самом деле был слеп и так истощён и худ, что страшно было смотреть на него. Едва дойдя до прищельцев, он ослабел и упал перед ними на землю. Аргонавты подняли его, подвели к крыльцу, усадили и обступили, ожидая, что он скажет.

Отдышавшись, старик заговорил тихим и печальным голосом:

— Я узнал вас, герои Эллады! Сердце сказало мне, что вы — те, что отважились плыть за золотым руном через три моря в далёкую Колхиду. Аргонавты, товарищи и спутники Язона, это вы! Уже давно я жду вас. Мне предсказано, что вы придёте спасти меня. Слушайте! Когда-то я был царём в Салмидессе. Моё имя Финей...

Услышав это имя, с криком бросились к старику Бореады, два крылатых брата, сыновья бога ветров, и остановились, боясь верить своим глазам: это был муж их любимой сестры, фракийский царь Финей.

— Да, я не чужой вам, — сказал старик, — я был женат на прекрасной дочери Борея. Два милых сына были у меня, я был богат и счастлив. У меня был дар угадывать будущее, многие тайны жизни были мне открыты, но я не имел права разглашать их. А я был добр и

мягок сердцем и стал предсказывать людям их судьбу. Боги разгневались на меня: я ослеп. Семья моя распалась, сыновья покинули меня. Люди оставили меня одного, потому что боги послали сюда чудовищ, которые стерегут меня и не дают никому помочь мне. Голод мучит меня, я умираю от истощения... Спасите меня, Бореады!

Охваченные жалостью, аргонавты быстро собрали то, что было у них с собой — хлеб, кусок сыра и немного плодов, — и положили старику на колени.

— Возьми и ешь, — сказал Язон. — Подкрепись немного, и пойдём с нами на «Арго», там мы накормим тебя досыта.

Вдруг раздался хриплый и протяжный крик и хлопанье крыльев: птицы на воротах проснулись и подняли головы. Аргонавты увидели: у них были женские головы на длинных голых шеях, безобразные, костлявые, старые и страшные лица. Высокомерно и жадно они глядели на Финея и нетерпеливо перебирали лапами с длинными крючковатыми пальцами.

Вдруг они взвились и с криком стали кружить над домом.

Старик испугался и выронил из рук еду.

— Это Гарпии. Сейчас они прилетят, — пробормотал он. — Вот они!

Как гнев богов, неумолимые, слетели Гарпии на несчастного Финея, когтями раздирая ему руки и одежду. Они вырвали у него хлеб

и плоды, мгновенно сожрали всё и улетели, обрызгав бедного старика вонючей грязью.

Обнажив мечи, взлетели за ними крылатые сыновья Борея. Гарпии с криком умчались на запад, за море. Бореады погнались за ними и скоро скрылись в морском тумане. Тогда с неба через всё море протянулась семицветная дуга, на землю сошла вестница богов богиня Ирида и сказала Финею, что срок его наказания прошёл, боги простили его и злые Гарпии никогда больше не прилетят к его дому.

Увидев, что Гарпии улетели далеко за море, салмидесские жители стали выходить из домов. Поспешно вычистили они двор и дом, обмыли самого Финея и надели на него чистую одежду. На быстрых крыльях своих вернулись назад Бореады и радостно обняли Финея. Аргонавты принесли с корабля жирную овцу, подаренную им бекбриками, приготовили сытный обед, накормили Финея, ели сами и угощали всех, кто был голоден в Салмидессе. А когда насытились, сели все у огня, пили вино, говорили о том, как им дальше плыть, о неизвестном море и спрашивали Финея, что их ждёт впереди. Благодарный Финей так отвечал своим избавителям:

— Я не могу сказать, что с вами будет, — боги опять разгневаются на меня. Но я могу вам дать совет. Когда вы покинете салмидесскую гавань и войдёте в пролив, соединяющий Пропонтиду с другим морем, вы увидите в конце пролива две скалы. Это Симплегады. Они не стоят на месте — постоянно то сдвигаются, ударяясь одна о другую, то расходятся. Никто из смертных ещё не проходил между Симплегадами, ни один корабль не проплывал между ними. Но вам нельзя миновать их: они стоят на вашем пути. Сделайте же так. Возьмите с собой голубя и, когда приблизитесь к Симплегадам, выпустите вперёд птицу. Если она успеет пролететь между скалами, смело направляйте корабль, быстрее гребите и спешите проплыть — всё зависит от силы и быстроты ваших рук. Если же скалы раздавят голубя, немедля возвращайтесь назад — значит, нет вам дороги дальше.

Услышав это, салмидесские мальчики побежали, поймали молодого голубя и принесли слепому царю.

Финей ощупал, крепки ли крылья у птицы, и отдал голубя Язону.

Наутро аргонавты простились с Финеем, взошли на корабль и поплыли туда, где ждала их гибель или удача.

Между движущимися скалами

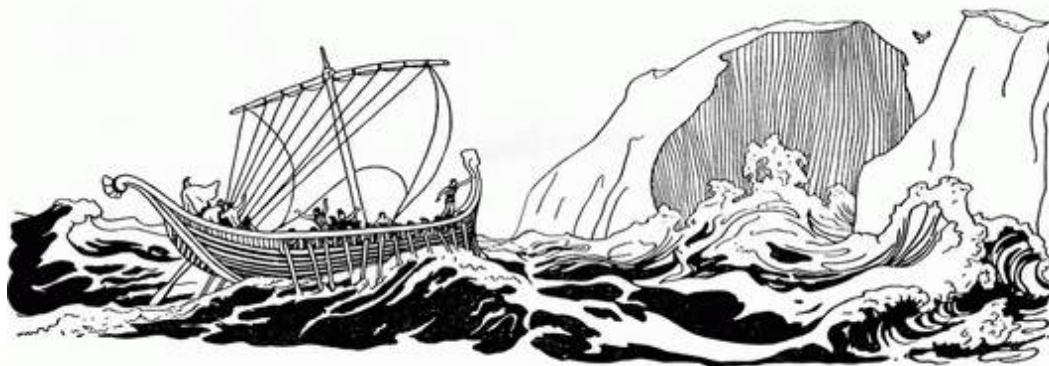
Аргонавты медленно плыли по узкому проливу, усеянному подводными камнями, смотрели вперёд и молчали, потому что в час опасности сильный не хочет обнаружить перед другими свою тревогу и в себе самом ищет опору.

Пролив расширялся к концу; уже видны были огромные синие скалы, запиравшие выход в море, и слышно было, как бились о них волны.

— Симплегады! — сказал торжественно Тифис.

И все увидели, как скалы вдруг раздвинулись, разошлись, оставляя проход, словно приглашая «Арго» пройти между ними. Волны с шумом устремились в проход, увлекая вперёд корабль. Но сейчас же скалы снова сошлись, с грохотом ударившись друг о друга. Море зашипело вокруг, и белая пена вскипела на гребнях волн.

Волны несли «Арго» прямо на скалы. На носу корабля стоял Язон и держал в руках голубя. Как только скалы разошлись опять, Язон выпустил птицу в проход; она полетела между скалами, которые уже быстро сдвигались снова, грозя раздавить маленький белый комочек. Вот уже с грохотом сшиблись громады, море отбросило прочь корабль. Он закружился, как щепка. Снова раздвинулись скалы, и аргонавты увидели с радостью, что белый голубь миновал благополучно Симплегады. Громко закричали они.

Тифис приказал со всей силой налечь на вёсла и быстро грести.

Море вдруг встало горой под кораблём и бросило его в поток между скалами. Навстречу «Арго» шла другая волна, ещё выше, и

вёсла аргонавтов согнулись в дугу.

Тогда Тифис приказал: «Перестаньте грести!» — и вёсла, взлетев вверх, остановились. Грозный вал покотился под киль корабля и стал бросать и кружить «Арго», а скалы уже сдвигались.

— О царица Олимпа, спаси нас! — взмолились аргонавты.

И вот над бушующим морем появилась сама богиня Гера. Левой рукой она остановила скалу, готовую раздавить корабль, а правой сильно толкнула вперёд «Арго», и он стрелой пролетел между скалами.

Словно досадуя, остановились грозные скалы и уже не сдвинулись больше. Так и остались они стоять у входа в море, и с тех пор корабли свободно проплывают между ними.

Конец пути

Очутившись на морском просторе, аргонавты шумно радовались избавлению от гибели.

— Теперь нам ничто не страшно! — сказал весело кормчий. — Мы миновали Симплегады, а это добрый знак: минуем и все преграды, которые ещё нас ждут впереди.

Но Язон казался смущённым и печальным.

— Это моя вина, — говорил он, — я завлёл вас в чужое, страшное море, я заставил вас нести тяжёлый труд, из-за меня подвергаетесь вы опасностям и бедам... Зачем я позвал вас с собою в это странствие, полное тревог? Сидели бы вы спокойно дома...

Но это была лишь хитрость: он хотел проверить, не ослабели ли духом аргонавты после сурового испытания у движущихся скал.

Герои ответили смехом на хитрые речи Язона.

— Так плывём же дальше! — воскликнул он, развеселясь. — В Колхиду, в Колхиду! Добудем золотое руно!

И «Арго» поплыл дальше.

Отойдя от Симплегад, аргонавты свернули направо и поплыли вдоль берегов, обходя скалистые мысы и осторожно минуя обширные отмели, которых много теперь встречалось на их пути. Они проплывали мимо земель, населённых разными народами, не известными им раньше, видели воинственных женщин-амазонок,

скакавших на диких конях, видели высокие башни, построенные на горах, заросших лесом, миновали страну халибов, добывавших из земли железо.

Однажды днём «Арго» приблизился к неизвестному острову. Большая красная птица сидела на берегу и, завидев «Арго», полетела к нему навстречу.

Путешественники с удивлением глядели на неё. Вдруг она уронила перо. Оно упало на корабль и впилося в плечо одного из гребцов. Полилась кровь, и от боли гребец выронил из рук весло. Вынули перо из раны и увидели, что это была острая медная стрела.

Прилетела вторая птица. Один из аргонатов схватил свой лук и убил её. Она упала в море, звеня и сверкая на солнце.

Тогда один из старших аргонатов сказал:

— Это Стимфалиды — медные птицы бога войны. Их перья ранят, как стрелы. Наденем шлемы, поднимем щиты, чтобы они не могли причинить нам вреда.

Аргонаты надели шлемы, прикрылись щитами и, подплывая к берегу, громко кричали и ударяли мечами в щиты. Стимфалиды поднялись над островом, осыпая «Арго» своими медными перьями. Перья ударялись о щиты, и в воздухе стоял такой шум и звон, что перепуганные птицы поднялись высоко-высоко и умчались прочь.

Аргонаты пристали к берегу и нашли здесь четырёх юношей, оборванных и голодных. Это были сыновья Фрикса. После смерти их отца царь Эт изгнал их из Колхиды и отправил на корабле в Грецию. Но буря разбила корабль, и море выбросило их на этот пустынный остров, где их ожидала голодная смерть.

Аргонаты обрадовались встрече.

— Вы из Колхиды плыли в Грецию, а мы из Греции плывём в Колхиду за золотым руном, которое ваш отец оставил у Ээта, — сказал юношам Язон и предложил им: — Вернитесь вместе с нами в Колхиду, помогите нам добыть золотое руно, и мы отвезём вас потом в Орхомен, на родину Фрикса.

Но юноши испуганно качали головой. Старший сказал:

— Вы задумали трудное дело. Царь Колхиды жесток и зол и не отдаст вам золотого руна. Но, если бы даже он согласился вернуть вам его, вы не сможете одолеть дракона, который стережёт руно в роще Ареса. Этот дракон никогда не спит, днём и ночью открыты его глаза.

Он издали видит всех, кто хочет подойти к священному дубу, на котором висит золотое руно. И горе тому, кто подойдёт слишком близко!

Аргонавты смутились при этих словах, но храбрый Пелей сказал:

— Не пугай нас, дитя! Мы знаем, что такое опасность. Есть сила в наших руках, наши мечи остры и щиты надёжны. Мы воины, и нам помогают боги Олимпа. Немного осталось нам плыть до Колхиды, а там будь что будет!

С рассветом подняли парус, и сыновья Фрикса, став на корме, помогали кормчему направлять корабль к берегам Колхиды. Плыли целый день — последний день похода — и к ночи достигли устья большой реки. Это был Фазис, полноводная река Колхиды.

Аргонавты свернули паруса, на вёслах вошли в реку и поднялись вверх по течению. С левой стороны они увидели снежные вершины Кавказа и на берегу город Ээта; справа лежало пустое поле Ареса и темнела роща, где недремлющий дракон сторожил золотое руно.

Все аргонавты собрались на палубе, и Язон, став у золочёной головы богини — покровительницы «Арго», наполнил вином свою чашу и вылил в воду — в честь матери-Земли, к которой они приближались, в честь богов, помогающих путешественникам, и в память героев, погибших в пути. Потом направили корабль в тростники, которые росли у берегов, и, скрытые высокой травой, уснули у близкой цели.

Язон у царя Колхиды

Утром рано проснулись аргонавты и стали совещаться, что предпринять.

Осторожный Язон решил: всем оставаться на корабле и ждать, а ему с сыновьями Фрикса и ещё с двумя аргонавтами идти во дворец Ээта — разведать, не согласится ли царь добровольно отдать руно.

И вот Язон отправился вместе с сыновьями Фрикса, с Теламоном и Авгиасом к царю Колхиды Ээту. По дороге в город они попали в большой сад, где на каждом дереве висел на цепи мертвец, завёрнутый в шкуру быка. Они ужаснулись. Но это было просто колхидское

кладбище — так хоронили колхи своих мужчин; женщин же зарывали в землю.

Когда аргонавты вошли в город, густой туман упал на землю, так что за три шага нельзя было различить встречного. Это покровительница Гера укрыла от глаз колхов пришельцев, чтоб они без помехи дошли до жилища Ээта. Здесь туман рассеялся, и они увидели царский дворец с высокими башнями, с широкими воротами, которые вели на большой четырёхугольный двор. По углам его били четыре фонтана. Из одного струёй лилось молоко, из другого — вино, из третьего — душистое цветочное масло, из четвертого — ледяная, прозрачная вода. А посередине был виноградник. Двор окружали четыре дворца. В самом большом и богатом жил Ээт со своей женой, а в остальных трёх — его сын Апсирт и дочери Халкиопа и Медея.

Восхищённые этой красотой и богатством, Язон и его товарищи остановились у одного из дворцов и смотрели вокруг, не говоря ни слова. В это время открылась высокая дверь, и во двор вышла девушка в длинной чёрной одежде. Это была Медея, младшая дочь Ээта. Увидев незнакомцев у своей двери, она испугалась и закричала. На крик выбежала из дворца её сестра Халкиопа, жена убитого Фрикса. Сыновья Фрикса, сопровождавшие Язона, бросились к матери, и она обняла их со слезами. Они рассказали Халкиопе, почему вернулись в Колхиду, и указали ей на своих спутников. Язон приветствовал Халкиопу и просил её помочь им. Медея стояла в стороне, не принимая участия в разговоре, но её чёрные глаза неотступно смотрели в лицо Язону, и тайная нежность к этому чужому человеку вдруг охватила её с непонятной силой.

Между тем царь, узнав о приезде внуков и с ними каких-то чужеземцев, прислал слугу звать всех к себе.

Со страхом вошли аргонавты в большой дворец, не зная, что их ждёт.

В обширном, богато украшенном зале, сидя за столом на золочёном стуле, покрытом звериной шкурой, царь Колхиды обедал. Он встретил пришедших мрачно, еле кивнул головой и сказал:

— Будьте гостями, раз пришли. — И, нахмуясь, обратился к старшему сыну Фрикса: — Что заставило вас вернуться?

Юноша рассказал о кораблекрушении и о том, как он и его братья были спасены аргонавтами, плывшими в Колхиду.

— Зачем? — был короткий вопрос.

Сын Фрикса смутился, указал на Язона, назвав его имя:

— Царь Иолка велел ему добыть золотое руно, оставленное у тебя моим отцом.

— Выдумки! — загремел Ээт. — Я вижу вас насквозь, дети эллинского беглого царевича! Вы нашли себе покровителя среди своих родичей и вернулись, чтобы отнять у меня царство! Вы привели сюда этих воинов и посадили за мой стол, как гостей, чтобы я не мог убить их! Прочь от меня, пока вы живы, пока я не приказал схватить вас всех до одного!

Вспыльчивый Теламон вскочил со своего места и закричал:

— Не смей оскорблять нас, варвар^[3]!

Но Язон остановил его сильной рукой и, выйдя из-за стола, сказал царю спокойно:

— Мы проплыли три моря, миновали много стран. Нас просили остаться жить на Лемносе; мы победили бебриков; мы уничтожили великанов с Медвежьей горы. Если бы нам была нужна земля, зачем нам было плыть так далеко? Успокойся, нам не нужно твоё царство. Мы пришли сюда за золотым руном. Но мы не нищие и не разбойники. Мы умеем владеть оружием и готовы послужить тебе за руно. Если у тебя есть враги, пошли нас биться с ними. Клянусь, мы сумеем завоевать золотое руно!

Царь слушал Язона задумчиво. Он думал: схватить ли Язона силой сейчас или погубить его хитростью?

Потом сказал:

— Моих врагов я убиваю сам, мне не нужна помощь чужеземцев. Я вовсе не дорожу золотым руном и мог бы подарить его тебе, но боюсь этим даром варвара обидеть смелых пришельцев. Я дам тебе возможность заработать руно. У меня есть два прекрасных и могучих быка — их подарил мне божественный мастер Гефест, и есть пустое поле, где ничего не растёт. Запряги моих быков, вспаши это поле, засеяй его, и, когда появятся первые всходы, ты получишь то, что тебе следует.

Удивился Язон такому простому поручению и подумал, нет ли здесь какого коварства.

Ээт усмехнулся:

— Вижу, ты считаешь эту работу простой и низкой для себя. Напрасно! Эта работа очень трудна, не всякий годится для неё. Я не знаю, герой, хватит ли у тебя сил справиться с этим делом.

И он так посмотрел на Язона, что аргонавт задрожал и понял, что дело не так просто, как ему показалось сначала.

— Отправляйся теперь на свой корабль, — продолжал Ээт, — расскажи товарищам, как милостив к вам царь Колхиды. Завтра утром приходи на тот берег, на поле Ареса. Быки пасутся там у реки. Я приеду и привезу тебе семена.

Язон простился с царём, и аргонавты ушли. Когда они проходили по двору, Язона остановила старуха — служанка Медеи:

— Моя госпожа просит тебя прийти сейчас в храм Гекаты. Она будет ждать тебя там. Спешу, потому что жизнь твоя и всех твоих товарищей в опасности.

Язон велел Теламону и Авгиасу вернуться на корабль и ждать его там, а сам, взяв проводником сына Фрикса, пошёл в храм Гекаты.

Волшебница Медея

Храм Гекаты, богини привидений и страхов, находился за городом, в роще на холме. Там стояла статуя, у которой было три лица — в знак того, что богине подвластны небо, земля и подземное царство.

В роще бродили собаки, посвящённые Гекате, жалобно блеяли в траве чёрные ягнята, приготовленные для жертвы.

Когда Язон, оставив своего юного спутника, вошёл в рощу Гекаты, Медея пошла ему навстречу и сказала:

— Я дочь Ээта, Медея. Я служу Гекате и знаю многое, чего не знают простые люди. Я могу оживить убитого и сделать старого молодым. Могу принести в дом несчастье, наслать страх и тоску на человека, отнять у него покой. Сам царь, мой отец, боится меня. Но тебе я не хочу зла. Слушай! Царь задал тебе страшную задачу. Быки, на которых ты должен вспахать поле, семена для посева и само поле — не простые. У быков этих медные ноги, огонь вылетает из пасти — это быки бога Солнца. Неукротимы они, и простому человеку не справиться с ними. Вместо семян царь даст тебе зубы дракона. Если посеять их на поле Ареса, вырастут воины без числа и убьют вас всех.

Так говорила Медея и смотрела на Язона с жалостью.

Язон опустил голову:

— Ну что ж... отступить невозможно. Гибель ждёт меня. Но, по крайней мере, пусть люди не назовут меня трусом.

Медея сказала:

— Я не хочу твоей гибели. Не знаю почему — мне жаль тебя, чужеземец! Мне хочется спасти тебя!

— Так помоги нам, если ты можешь! — воскликнул Язон. — Помоги добыть золотое руно, и я прослаблю тебя по всей Элладе. За тремя морями, далеко отсюда, мы будем с благодарностью повторять твоё имя.

Тогда волшебница дала ему раковину с тёмной мазью и сказала:

— Недалеко отсюда, в горах, к скале над морем прикован титан Прометей. Он похитил у богов искру божественного огня и подарил людям. За это боги жестоко наказали его. Каждый день прилетает орёл и клюёт ему печень. Кровь каплет из раны на скалу и на песок у моря. На песке, политом Прометеевой кровью, вырастает дикий и страшный цветок. Из чёрного корня этого цветка я добыла волшебный сок и приготовила эту мазь. Возьми её. В полночь оденься в чёрное, один иди к реке, искупайся в тихой воде, а утром натри этой мазью всё своё тело, и оно станет сильным и неуязвимым, и огонь из пасти быков не причинит тебе вреда. Смажь также всё твоё оружие — меч, и копьё, и щит. Эта мазь даёт силу на один только день. Но у тебя хватит времени, чтобы выполнить всё, что требует царь. Когда из зубов дракона, которые ты посеешь в поле, вырастут вооружённые люди, брось сразу в

них камень. Они не увидят, кто бросил, подумают друг на друга, кинутся в драку между собою — и ты сможешь один перебить всех их. Теперь иди, желаю тебе удачи. Но, когда ты получишь золотое руно, уедешь и будешь счастливо жить на своей родине, не забывай меня. Обещай, что ты меня не забудешь!

Она глядела на Язона с любовью и показалась ему в эту минуту такой доброй и прекрасной, что он стал просить её:

— Поедем со мной! Я возьму тебя на «Арго», увезу от твоего злого отца, и ты будешь моей женой и царицей в Иолке.

Медея молчала и качала головой, хотя слова Язона радовали её.

Долго стояли они вместе в роще Гекаты и смотрели друг на друга.

Солнце стало клониться к закату, и Язону пора было возвращаться на корабль.

— Завтра, когда царь отдаст мне золотое руно, я попрошу его отпустить тебя со мною, — сказал Язон.

И они расстались.

На поле Ареса

Рано утром царь Колхиды надел свои доспехи, подаренные ему богом войны Аресом, сел на колесницу и поехал на Аресово поле. Его сопровождали толпы колхов — всем хотелось посмотреть, как быки бога Солнца растерзают чужеземца.

А Язон, как научила его Медея, натёр чудесной мазью своё тело и оружие и почувствовал в себе великую силу. Он был словно весь выкован из железа, и ни копьё, ни меч не могли причинить ему вреда.

Аргонавты сели на корабль и поплыли к полю Ареса, где их уже ждал Ээт.

Язон взял у царя зубы дракона и один вышел на поле. На краю поля лежали ярмо и плуг. Тут же был вход в подземный хлев, где стояли быки. Внезапно, словно почувствовав приближение героя, они с рёвом выскочили из стойла и помчались прямо на Язона. Он прикрылся щитом и стоял спокойно, уверенный в своей чудесной силе. Быки ударили рогами в щит и отскочили прочь. Взревев, они выпустили сноп огня, хотели опалить героя, но пламя, долетев до него, раздвоилось и, обойдя его, сошлось за его головой. Невредимый в

кольце огня, он смело схватил рукой за рог одного быка, потом другого и надел на них, ярмо. С помощью двух аргонавтов Язон запряг быков в плуг и погнал по полю.

Аргонавты радостно закричали, увидев это. Шум поднялся среди колхов. Сам царь Ээт удивился необыкновенной силе героя.

Быстро мчались по полю быки, взрывая плугом глубокие борозды, и Язон бросал в распаханную землю зубы дракона.

Много раз пробежали быки из конца в конец Аресово поле, и вот всё оно было вспахано и засеяно. Окончив работу, Язон выпряг быков и копьём загнал их обратно в стойло. Потом, ожидая, пока из зубов дракона вырастут воины, он пошёл на берег реки, зачерпнул шлемом воды и напился. И почувствовал, что силы в нём ничуть не убавилось. Он смотрел на поле и ждал.

Как первые ростки, показали из земли концы острых копий, потом головы в шлемах, вот заблестели щиты, зазвенели, разбрасывая землю, мечи — и вмиг всё поле заполнилось воинами.

Язон помнил хитрый совет Медеи. Он поднял с земли огромный камень, который четверо сильных людей едва могли бы сдвинуть с места, размахнувшись, швырнул его в середину войска и убил сразу нескольких воинов. Не поняв, откуда беда, воины с яростью обнажили

мечи и стали убивать друг друга. Тогда Язон смело напал на них, рубя и уничтожая всех, кто ему попадался. Скоро всё поле покрылось трупами, и чёрная кровь заполнила до краёв борозды, оставленные плугом.

С ужасом смотрели колхи, как справлялся Язон с воинами, выросшими из зубов дракона. Царь Ээт от гнева не мог выговорить ни слова. В бешенстве ударил он по лошадям и умчался прочь с Аресова поля.

— Я кончил мою работу. Завтра царь должен отдать мне золотое руно, — сказал Язон.

Наступил вечер. Чудесная сила уже покидала Язона. Аргонавты окружили его и повели на корабль отдыхать.

Похищение золотого руна

Вернувшись с Аресова поля домой, жители Колхиды толковали о страшной силе чужеземцев, приплывших на корабле «Арго». В городе было беспокойно. Вечером во дворец Ээта пришли знатные колхи и, запершись с царём, стали совещаться, как погубить опасных гостей.

Медея чувствовала, что царь знает, что она помогла Язону, и с ужасом ждала отцовского гнева. Она знала, как жесток и неумолим, как коварен сын Солнца, и мучилась страхом за себя и за героя, которого любила. В полночь она услышала за окном бряцанье оружия и речи собравшихся у дворца колхидских воинов и узнала, что царь приказал под утро окружить греческий корабль и сжечь его со всеми аргонавтами.

Тогда она решила бежать к Язону. Взяв с собой усыпляющее зелье, босая, она тихо прокралась из дворца и тайными тропинками, по которым ходила ночами собирать волшебные травы, направилась к реке. Выйдя на берег против того места, где стоял «Арго», она стала звать младшего сына своей сестры, ночевавшего у аргонавтов.

Язон узнал голос Медеи и откликнулся. Гребцы, бывшие в тот час на вёслах, стали грести, корабль быстро пересёк реку. Язон с сыновьями Фрикса бросились к Медее.

— Всё открылось! — сказала она. — Отец не простит мне... Я должна бежать с вами... Спешите, гибель грозит вам! Идём, Язон, я

добуду тебе золотое руно, и скорее прочь отсюда, или мы все погибнем! Я спасу вас и себя, но клянись, Язон, что ты не покинешь меня никогда, не оставишь меня одну в чужой стране!

Язон взял её за руку и сказал:

— Клянусь, если мне суждено живым вернуться на родину, ты будешь моей женой и я никогда не оставлю тебя!

Медея велела тотчас плыть к роще Ареса, где хранилось руно. В ночной темноте течение реки быстро и бесшумно донесло корабль до заветного места. Медея и Язон одни сошли с корабля и направились в лес. Ночь была чёрная, и они шли, держась за руки, чтобы не потеряться в темноте. Вдруг перед ними загорелись два красных огня.

— Это дракон, — шепнула Медея.

И сейчас же они увидели лёгкое золотистое сияние — от руна, висевшего на дубе.

Едва они подошли ближе, дракон свесился с дерева и зашипел, пламя вырвалось из его раскрытой пасти. Но Медея, протянув к нему руки, тихим голосом стала усыплять его. Она призывала на помощь бога сна Гипноса, который сильнее всех на земле, она заклинала всеми тайными силами: «Усни! Усни!» — и, подойдя совсем близко, брызнула в глаза дракону усыпляющим зельем. Погас один глаз, погас другой, опустились страшные веки, с треском захлопнулась грозная пасть, лапы разжались — дракон свалился с дуба и, бессильный, лёг у ног Медеи.

— Спешите! — сказала она Язону. — Скорее снимайте руно с дерева, пока он не проснулся.

Язон быстро снял с дуба золотое руно, накинул его на плечи, как плащ, и они немедленно покинули рощу Ареса.

Аргонавты с корабля увидели золотой свет руна на плечах Язона. Радостными криками приветствовали они желанную добычу, из-за которой оставили свои дома и отчизну и перенесли столько опасностей и невзгод. Но некогда было веселиться. Надо было к утру добраться до моря и покинуть Колхиду.

Язон завернул драгоценное руно в свой плащ, устроил Медею на корме корабля, где не было ветра, и сам обрубил мечом канат, державший «Арго» у берега. Гребцы-аргонавты сели на вёсла; другие со щитами и луками в руках стали вдоль борта, готовые защищать корабль от погони. «Арго» стремительно поплыл вниз по течению — к морю. Ещё не взошло солнце, а аргонавты были уже в открытом море, далеко от берегов Колхиды.

Утром пришли сказать царю, что чужеземцы похитили золотое руно и убежали, взяв с собой Медею. Страшно разгневался Ээт и послал большой отряд колхов в погоню за аргонавтами. Царь велел объявить воинам, что всех их ждёт смерть, если они не догонят беглецов и не вернут руна и царской дочери. Сына своего Апсирта Ээт назначил начальником отряда.

Колхи вывели свои суда в море и поплыли за «Арго».

Возвращение "Арго"

Золотое руно было добыто, и аргонавты плыли обратно. Попутный ветер надувал паруса, морская даль была чиста, стаи дельфинов беззаботно плескались вокруг «Арго». Но невесело было на корабле. На

корме заливалась слезами Медея, глядя в ту сторону, где остались её дом и отец. Озабоченно хмурился Язон, и аргонавты ни днём ни ночью не расставались с оружием, ожидая погони.

Они не захотели возвращаться тем же путём, по которому приплыли в Колхиду. Сын Фрикса, покинувший вместе с ними Колхиду, рассказал им, что слышал от колхидских корабельщиков, будто по ту сторону моря, против Колхиды, есть большая полноводная река Истр. Она берёт своё начало далеко на севере, в стране холодного ветра, протекает через многие земли и страны и встречается с другой рекой, которая течёт прямо в то море, что омывает берега Греции.

— Путь по реке короче и легче, чем возвращение опять через три моря, — решили аргонавты и поплыли вдоль берегов Скифии к устью Истра.

Но у самого Истра они наткнулись на флот колхов, посланный Ээтом за ними в погоню и опередивший их. Что было делать? «Арго» один против многих кораблей, кучка героев против целого войска!

Тогда Язон пустился на хитрость. Он вступил с начальником колхов Апсиртом в переговоры: он говорил, что золотое руно должно остаться у аргонавтов — ведь он выполнил всё, что потребовал от него царь Колхиды. Но Медею Язон обещал выдать колхам и звал Апсирта прийти за сестрой на пустынный остров, в храм богини Артемиды. Язон хотел заманить и взять в плен Апсирта, чтобы лишить колхов их командира. Апсирт был молод и доверчив. Он поверил Язону и ночью один явился в храм на острове, чтобы уговорить сестру взять у аргонавтов руно и вернуться домой. Но Медея дала Язону меч и велела убить Апсирта. Тело брата она бросила в море. В войске колхов началось смятение, и, пока колхи искали в море останки своего предводителя, «Арго» ускользнул от врагов и уплыл далеко вверх по Истру.

Аргонавты благополучно проплыли Истр до того места, где он сливался с другой рекой, и по этой другой реке вышли в море. Море встретило их страшной бурей. Словно разгневанные боги спустили с цепей все ветры, и они сорвали прочь парус, согнули мачту и носили «Арго» по морю, перебрасываясь кораблём, как дети игрушкой. В отчаянии бросили аргонавты вёсла и ждали, когда возьмёт их разъярённое море.

Но вдруг раздался голос с кормы — он шёл от куска священного додонского дуба, вделанного в корму «Арго». Он говорил:

— Боги разгневались на Язона и Медею за убийство Апсирта. Плывите на остров Эа. Там живёт сестра Ээта, волшебница Кирка. Просите её, пусть она простит Медею. Тогда вы сможете вернуться домой.

Буря стихла. Аргонавты отправились искать волшебный остров. Долго блуждали они по морю, пока нашли его. Волшебница Кирка вышла к ним навстречу на берег, окружённая стадом свиней — всё это были люди, попавшие на остров и превращённые ею в животных. Кирка тотчас узнала Медею по глазам: у всех детей Солнца в глазах был особенный свет.

Медея так молила тётку простить её и говорила о своей любви к Язону, что Кирка простила её и отпустила аргонавтов с миром.

Но много ещё всяких бед пришлось претерпеть аргонавтам, пока они добрались до родного края.

В открытом море кораблём играли ветер и волны, но самые страшные опасности подстерегали моряков в узких проливах.

Им пришлось проходить между двумя островами, на одном из которых была огнедышащая гора. Два свирепых и жадных чудовища стерегли этот проход — Харибда и Сцилла.

Харибда жила в морской пучине. Вода кипела и кружилась над ней, и стоило живому существу приблизиться, как из воды высывалась жадная пасть и глотала целые корабли с парусами и мачтами.

На выстрел из лука от Харибды возвышалась остроконечная скала, гладко обточенная морем. В ней была пещера. В этой пещере пряталась шестиголовая, двенадцатилапая Сцилла. Как только дельфин, или рыба, или судно с пловцами подплывали к скале, Сцилла высывала из пещеры своё страшное туловище, и все двенадцать лап быстро шарили вокруг, вылавливали всё живое и отправляли в жадные пасти с тремя рядами острых зубов.

Аргонавтам надо было проплыть между Сциллой и Харибдой, и они, конечно, погибли бы, потому что ни смелость, ни мужество, ни геройская сила не могли им помочь против этих чудовищ. Но вновь появилась их покровительница Гера, бросила между Харибдой и

Сциллой свой золотой волосок, и по этой дорожке, не уклоняясь ни вправо, ни влево, «Арго» миновал опасность.

Однажды морской ветер принёс издалека запах цветов, и аргонавты увидели в море цветущий остров Сирен. Чудесные птицы с женскими головами сидели на камнях, торчавших из воды около берега, и пели человеческим голосом. Они звали усталых моряков отдохнуть на цветущих лугах, обещали покой и наслаждение, манили ласковыми словами.

Море вокруг острова казалось тоже ласковым и тихим. Но весь остров был окружён мелями и подводными скалами. Сирены пели так сладко и такая волшебная сила была в их песнях, что корабельщики, забыв всё на свете, направляли свои суда к острову, разбивались о подводные камни и гибли в волнах.

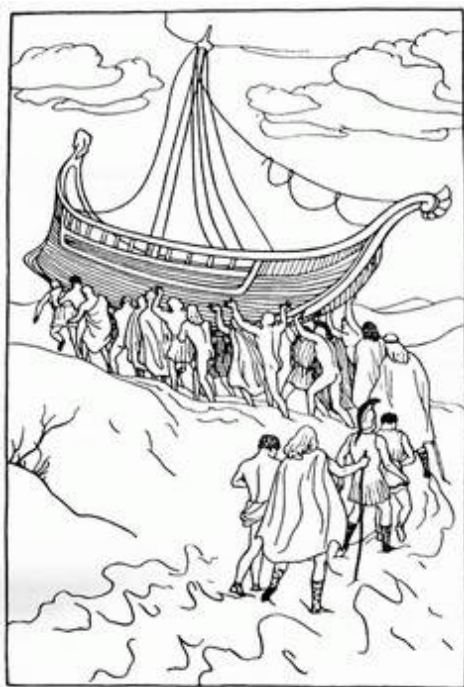
Очутившись у острова Сирен, аргонавты тоже заслушались чудесного пения и хотели грести к берегу. Самый юный из гребцов, очарованный сиренами, бросился в море и погиб на камнях. Тогда Орфей взял свою кифару и запел сильным голосом, заглушая сирен. Он пел об отважных моряках, пересекающих пространства морей и презирающих лень и негу, о родной земле, которая их ожидает. Слушая Орфея, опомнились аргонавты и быстро миновали опасный остров.

Около острова Схерии, где аргонавты остановились заpastись водой и едой, их корабль опять окружили суда колхов, которые в поисках аргонавтов блуждали по морю. Аргонавты просили защиты у царя острова. Хитрый царь рассудил так: аргонавты должны выдать колхам их царевну Медею, но они не обязаны отдавать им жену Язона. Медея стала женой Язона, и колхам пришлось отступить. Но они побоялись вернуться в Колхиду и поселились на греческих островах.

Отпраздновав свадьбу Язона и Медеи, аргонавты поплыли дальше. Долгое время плавание их было спокойно. Они приближались уже к берегам Греции, как вдруг разразилась ужасная буря. Девять дней и девять ночей ураган носил их корабль по морю и наконец выбросил его на далёкий пустынный берег. Глубоко врезался «Арго» в прибрежный песок и стал неподвижно. Аргонавты сошли на землю и осмотрелись. Перед ними лежала пустыня. Ни реки, ни деревьев, ни людского жилья — только песок и небо. Аргонавты попытались сдвинуть корабль в море, чтобы покинуть пустыню, но не могли.

«Что же нам делать? — говорили они. — Куда занесла нас буря? Мы пропадём здесь и никогда не увидим родного края... Лучше было нам разбиться о подводные камни или погибнуть в неравном бою, чем в пустыне умереть от голода!»

Они разошлись по берегу и бродили в песках до темноты. Когда наступил вечер, все собрались к кораблю, простились друг с другом и легли на песок, завернувшись с головой в плащи. Они лежали так до утра. Вдруг Язон почувствовал, что кто-то снимает плащ с его лица. Он приподнялся и увидел, перед собой трёх нимф пустыни. Нимфы сказали ему: «Не отчаивайся! Судьба занесла вас в Ливийскую пустыню, но и отсюда есть путь для сильных и смелых. Когда царица моря Амфитрита выпряжет коней из своей колесницы, сделайте с вашим кораблём то, что до сих пор делал он с вами, и вы будете спасены».

Язон разбудил своих товарищей и передал им, что ему сказали нимфы. Аргонавты стали думать, что это значит: «Когда Амфитрита выпряжет коней», и что надо сделать им с «Арго». Вдруг к берегу прихлынули с шумом волны, из моря выбежал белый конь и понёсся через пустыню. Начинаясь прилив. Тогда догадались аргонавты, что в

час прилива нужно сдвинуть «Арго» с мели, взять его на плечи и нести через пустыню, как он носил их по морям.

Двенадцать дней под палящим солнцем, увязая в песке, они несли на плечах «Арго» и наконец пришли на берег большого озера. Снова корабль их был спущен на воду. Но они не могли найти выход из озера, пока хозяин его, бог Тритон, схватив рукой за борт «Арго», не вывел его протоком между белых скал в широкое море.

Долго опять плыли аргонавты в пустынном море и добрались до гористого острова, такого обширного, что много городов могло на нём уместиться. Это была родина Зевса — Крит. Там царствовал Минос, которому Зевс подарил для охраны острова медного великана. Весь покрыт был медью великан, и лишь на пятке у него было отверстие, заткнутое медным гвоздём. Три раза в день медный великан обходил дозором вокруг острова.

Когда аргонавты подошли к Криту, великан не пустил их на берег и стал бросать в них тяжёлые камни. Но Медея своей волшебной силой навела на великана дремоту, глаза его закрылись. Он споткнулся об острый камень и упал. Гвоздь выпал у него из пятки, и кровь хлынула из отверстия. Вместе с кровью великан потерял свою живую силу и превратился в большую медную статую.

Аргонавты причалили к берегу и переночевали на Крите, а утром отправились дальше.

И ещё раз они попали в бурю. Но это было уже последнее испытание, и боги хранили их.

Сам Аполлон из золотого лука посылал в море светящиеся стрелы и указал аргонавтам островок, возле которого они могли укрыться.

Потом ветер стих, небо расчистилось, море успокоилось и вдали показался греческий берег.

Плавание аргонавтов подходило к концу.

«Арго» возвращался домой.

Смерть Язона

Кончились пиры и празднества в честь аргонавтов, благополучно вернувшихся после далёкого и долгого плавания. Чудесный корабль «Арго» отслужил свою службу — паруса его были истрёпаны бурями,

смылась позолота на носу, и волны многих морей источили его деревянный корпус. Аргонавты вытянули из воды ободренный остов «Арго» и поставили на берегу на память людям.

Потом отважные герои разошлись по разным городам и занялись каждый своими делами.

Золотое руно лежало во дворце иолкского царя. Но Язону оно не принесло счастья.

Старый Пелий не обрадовался возвращению Язона и не отдал ему царской власти. «Пусть решает народ, пусть сам народ скажет, кого он хочет видеть царём в Иолке», — говорил он Язону. А народу Пелий говорил: «Хотите, чтобы вашей царицей была чужеземка, волшебница к тому же? Она околдует вас, как околдовала Язона».

Люди с опаской глядели на Медею и обходили жилище Язона. Скоро совсем не осталось у него друзей в Иолке. Медея видела это, ей было горько и обидно, и она решила отомстить Пелию и добыть царство Язону.

Она рассказала иолкским женщинам, что боги дали ей силу возвращать молодость старикам, и, чтобы ей поверили, зарезала старого барана и вновь оживила его, превратив в ягнёнка.

Тогда дочери Пелия стали просить волшебницу сделать молодым их старого отца. Они убили царя, но оживлять его Медея не стала.

Смерть Пелия не помогла Язону. Царём в Иолке стал сын Пелия — Акаст. Он выгнал Язона с Медеей из города и не позволил им жить в Фессалии. Пешком, как последний нищий, опозоренный, выгнанный вон из родного края, ушёл Язон из Иолка искать пристанища в соседней земле.

В это время в Коринфе царствовал старый друг его отца, Креонт. Он принял изгнанников в память старинной дружбы.

Они поселились в бедном доме, на краю города, жили тихо несколько лет, и Медея родила Язону двух сыновей.

Но счастья не было в их доме. Люди не любили и боялись Медеи, волшебницы и чужеземки. Женщины не приходили к ней в дом поболтать за пряхкой о городских новостях, о своих домашних делах; их дети не хотели играть с маленькими сыновьями Медеи, дразнили их и били.

Медея гневалась и тосковала и жаловалась Язону, но ему досаждали эти жалобы. Он часто уходил из дому и отправлялся в гости

к Креонту, который всегда ласково принимал сына своего друга, но никогда не приглашал Медею.

У Креонта была дочь-красавица. Она всегда радостно встречала Язона, когда он приходил во дворец, сама наливала ему вина и слушала по целым часам его рассказы об аргонавтах и их плавании по чужим морям на корабле «Арго».

Однажды царь сказал Язону:

— У меня нет сына, и наследником моим будет тот, кто женится на моей дочери. Женись на ней — и будешь царём в Коринфе.

Смущённый Язон ответил, что у него уже есть жена — Медея.

Но царь засмеялся и сказал:

— По нашим законам, это не жена, а рабыня, пленница-варварка. Оставь её, и ты будешь жить во дворце, в довольстве и в почёте. Никто не будет напоминать тебе о прошлом.

И Язон изменил Медее. Он забыл свою клятву в ночной страшный час на берегу Фазиса, когда гибель грозила ему и всем аргонавтам и девушка-варварка спасла их. Но он не посмел сказать Медее правду: выдумал, что царь взял его к себе на службу и потому он должен переселиться во дворец.

Медея по-прежнему любила Язона и ничего не подозревала, пока не пришли сказать ей, что он женится на царской дочери и уже назначен день свадьбы. Медея была оскорблена, разгневана.

«Язон забыл свою клятву, забыл, что я спасла ему жизнь и честь, что из-за него я покинула родной край, нарушила волю отца! Он хочет оставить меня с детьми одну среди чужих людей, без помощи, без опоры!»

В гневе и тоске она не находила себе места, не знала, что делать. Вдруг пришёл слуга от царя с приказанием, чтобы она немедленно уходила из Коринфа — её выгоняли.

Тогда она очнулась:

— Всё кончено! Прощай любовь и мирное счастье! Приди мне на помощь, Геката! Помоги отомстить!

Медея притворилась покорной и тихой. Она попросила на день отсрочки, помирилась с Язоном и в знак полной покорности послала его невесте чудесный подарок — великолепное венчальное покрывало и золотую корону, которую бог Солнца подарил когда-то царю Колхиды.

Красавица невеста обрадовалась подарку, тотчас же надела на голову корону и закуталась в покрывало. Вдруг тяжко ей стало: золотая корона давила, жгла ей голову, волшебное покрывало душило её.

Она хотела сбросить с себя наряд, но одежда мгновенно вспыхнула на ней, и огонь охватил её всю. Она закричала.

Отец прибежал ей на помощь, стал срывать с неё горящую одежду — огонь перекинулся на него, и оба, охваченные пламенем, как живые костры, метались по дворцу, и никто не мог им помочь.

С ужасом увидел Язон их обуглившиеся трупы. Сердце его сжалось — страшно ему стало и стыдно. Он побежал назад в свой дом, хотел обнять сыновей. Поздно! Медея в ярости убила своих детей, и крылатые драконы унесли её из Коринфа.

Язон остался один на свете. Никто не хотел жить с ним, никто не слушал больше его рассказов. Он ходил из города в город и нигде не мог найти себе ни дела, ни покоя.

Однажды он пришёл на берег моря. Перед ним на песке, полуразвалившийся, ободранный, стоял на подпорках корабль. Язон узнал его: это был «Арго», такой же одинокий и всеми забытый, как он сам. Язон обошёл его, осмотрел и, усталый, лёг в тени корабля, под кормой. Он лежал и вспоминал счастливые дни похода, отважных товарищей, далёкие чужие земли, и в первый раз за много дней у него было легко и покойно на душе.

Потом он уснул.

Пока он спал, налетел ветер, и старый «Арго» обрушился и похоронил под собой предводителя аргонавтов.

Персей

В Аргосе жил царь, которому предсказали, что он будет убит своим внуком.

У царя была дочь Даная, такая красавица, что молва о ней шла по всей Греции.

Царь испугался, что Даная родит сына, который убьёт его, и решил никогда не выдавать её замуж. Он велел построить подземный дом из твёрдого камня, с медными дверями, с крепкими затворами — и запер там дочь, чтобы никто из мужчин не мог увидеть её.

Но Громовержец Зевс молнией пробил камень, золотым дождём пролился в подземелье, где была спрятана Даная, и она стала его женой.

У Данаи родился сын, она назвала его Персеем.

Однажды отец Данаи, проходя над тайником, услышал детский крик. Царь удивился, отпер вход в подземелье, спустился в жилище Данаи и увидел на руках у дочери прелестного мальчика.

Страх напал на царя. Он стал думать, как ему избежать страшного предназначения. Наконец он приказал посадить Данаю с сыном в большой ящик и тайно бросить в море.

Ветер долго носил ящик по морю и пригнал к острову Серифу. На берегу рыбак ловил рыбу. Он закинул сеть в море и поймал вместо рыбы большой ящик. Бедный рыбак захотел поскорее узнать, что за улов послало ему море, вытянул находку на берет, сорвал с ящика крышку, — и оттуда вышла красавица и с нею мальчик. Узнав, кто они и что с ними случилось, рыбак пожалел их и взял к себе в дом. Персей рос не по дням, а по часам, вырос высоким, стройным юношей, и никто в Серифе не мог с ним сравниться в красоте, ловкости и силе.

Услышал о нём царь острова Серифа Полидект и велел Персею с матерью явиться во дворец. Красота Данаи пленила Полидекта, он принял ласково царицу с сыном и поселил у себя во дворце.

Однажды Персей застал мать в слезах; она призналась ему, что Полидект принуждает её выйти за него замуж, и просила у сына защиты. Персей горячо вступился за мать.

Тогда Полидект решил избавиться от Персея, позвал его и сказал:

— Ты уже вырос и возмужал и стал так силён, что можешь теперь отплатить мне за то, что я дал приют тебе с матерью. Отправляйся в путь и принеси мне голову Медузы.

Персей простился с матерью и отправился по свету — искать Медузу, о которой ничего не знал до тех пор.

Во сне к нему явилась богиня мудрости Афина и открыла ему, что Медуза — одна из трёх сестёр Горгон, они живут на краю земли, в Стране Ночи, все они — страшные чудовища, но страшнее всех Медуза: вместо волос на голове у неё вьются ядовитые змеи, глаза горят нестерпимым огнём и полны такой злобы, что всякий, кто взглянет в них, тотчас обратится в камень. Афина дала Персею свой щит, гладкий и блестящий как зеркало, чтобы он мог закрыться от страшных глаз Медузы.

Потом на дороге догнал его быстроногий Гермес, посланец Зевса: он рассказал Персею, как ему идти, и подарил свой меч, такой острый, что им можно было резать, как воск, железо и камень.

Долго шёл Персей в ту сторону, куда уходит Солнце, наконец добрался до Страны Ночи. Вход в эту страну сторожили три древние старухи — Грайи. Они были так стары, что на всех трёх у них был один только глаз и один зуб. И всё-таки они хорошо охраняли вход в Страну Ночи и никого не пропускали туда. По очереди смотрели они единственным глазом, передавая его друг другу.

Персей потихоньку подкрался к Грайям, дождался, когда одна из них вынула глаз, чтобы передать его сестре, протянул руку и выхватил у старухи драгоценное око. И сразу стали Грайи бессильными слепыми старухами. Жалобно просили они Персея вернуть им их единственный глаз.

— Впустите меня в Страну Ночи, скажите мне, как найти Медузу, и я отдам вам ваш глаз, — отвечал старухам Персей.

Но старые Грайи не хотели пустить Персея, не хотели сказать ему, где найти Медузу, — ведь Горгоны были им родные сёстры. Тогда Персей пригрозил старухам, что разобьёт их глаз о камень, — и Грайям пришлось указать ему дорогу.

Персей отдал Грайям их глаз и пошёл дальше на запад.

По дороге встретились ему три добрые нимфы. Одна подарила Персею шлем Аида, властителя подземного царства, — кто надевал этот шлем, становился невидимкой; другая дала Персею крылатые

сандалии, надев которые можно было летать над землёй, как птица; третья нимфа вручила юноше сумку, которая могла сжиматься и расширяться по желанию того, кто носил её.

Персей повесил на плечо сумку, обул крылатые сандалии, надел на голову шлем — и, не видимый никому, поднялся высоко в небо и полетел над землёй. Скоро он добрался до края земли и долго летел над пустынной гладью моря, пока внизу не зачернел одинокий скалистый остров. Персей стал кружить над островом и увидел на скале спящих Горгон. У них были золотые крылья, чешуйчатые железные тела и медные руки с острыми когтями.

Персей увидел Медузу — она была всех ближе к морю. Он опустился на скалу рядом с ней. Змеи на голове Медузы зашипели, почуяв врага. Медуза проснулась, открыла глаза. Персей отвернулся, чтобы не взглянуть в эти страшные глаза и не превратиться навек в мёртвый камень. Он поднял щит Афины, блестящий как зеркало, навёл его на Медузу и, плядя в него, вынул меч Гермеса и сразу отсек ей голову.

Тут проснулись две другие Горгоны, расправили крылья и стали носиться над островом, ища врага. Но Персей был невидим. Быстро засунул он голову Медузы в свою волшебную сумку, столкнул тело Горгоны в море и улетел прочь. Спеша в обратный путь, он быстро пересёк море и полетел над Ливийской пустыней. Кровь из головы Медузы капала из сумки на землю, и каждая капля превращалась на песке в ядовитую змею.

Долго летел Персей, устал и захотел отдохнуть. Увидел внизу зелёные луга со стадами овец, коров и быков, увидел огромный тенистый сад, посреди которого стояло дерево с золотыми листьями и плодами, — и опустился к этому дереву. Хозяин сада, великан Атлант, встретил Персея неласково. Ему было предсказано, что однажды к нему придёт сын Зевса и похитит золотые яблоки с его любимого дерева.

Персей не знал этого предсказания и сказал великану:

— Я — Персей, сын Зевса и Данаи. Я убил грозную Медузу. Дай мне отдохнуть в твоём саду.

Услышав, что перед ним сын Зевса, Атлант рассвирепел.

— Похититель! Ты хочешь похитить мои золотые яблоки? — закричал он и стал гнать Персея из сада.

Оскорблённый Персей выхватил из сумки голову Медузы и показал её великану.

Мгновенно окаменел Атлант, превратился в каменную гору. Голова его стала скалистой вершиной, борода и волосы — густым лесом на вершине, плечи — крутыми утёсами, руки и ноги — каменистыми уступами. На вершину этой каменной горы, на крутые утёсы лёг небесный свод со всеми бесчисленными звёздами. С тех пор стоит там Атлант на краю земли и держит на своих плечах небо.

А Персей летел дальше.

Он пролетел над Эфиопией и вдруг на скале над морем увидел девушку такой красоты, что принял её сначала за чудесное изваяние. Но, спустившись ниже, он понял, что она живая, только руки её были прикованы к скале. Приблизившись к ней, он спросил:

— Кто ты и за что приковали тебя здесь?

Девушка сказала, что она дочь эфиопского царя — Андромеда и обречена на съедение морскому чудовищу. Её мать, царица Кассиопея, похвалилась однажды, что она красивей всех морских нимф, — за это бог морей Посейдон послал в их край чудовищную рыбу, которая пожирала рыбаков в море, и пловцов, и корабельщиков, топила корабли и опустошала берега их царства. Народ пришёл в смятение и потребовал, чтобы Кассиопея умилила Посейдона, отдав в жертву чудовищу свою дочь Андромеду.

Андромеду приковали к скале на берегу моря и оставили одну. Белее морской пены стояла девушка у скалы и со страхом плядела на

море. Вот под водой, в морской глубине, показалась громадная голова, блеснул чешуйчатый хвост. Андромеда в ужасе закричала. На зов её прибежали отец и мать и стали плакать с ней.

Персей сказал им:

— Отдайте мне в жёны Андромеду, и я спасу её.

Царь и царица пообещали Персею отдать ему свою дочь в жёны, а в приданое ей — всё своё царство, если он спасёт Андромеду.

Меж тем огромная рыба всплыла на поверхность моря и приближалась к берегу, с шумом рассекая волны.

Персей на своих крылатых сандалиях поднялся в воздух и полетел навстречу чудовищу. Тень героя легла на воду перед жадной пастью рыбы. Чудовище бросилось на эту тень.

Тогда Персей, как хищная птица, упал с высоты на чудовище и нанёс ему удар мечом. Раненая рыба в ярости стала метаться из стороны в сторону, то ныряя вглубь, то снова всплывая. Кровь её окрасила морскую воду, брызги высоко взлетали вверх. Крылышки на сандалиях Персея намокли, и он уже не мог держаться в воздухе. Но в этот миг он увидел камень, торчавший из воды, встал на него ногой и изо всех сил ударил мечом по голове чудовища. В последний раз плеснул исполинский хвост, и чудовищная рыба ушла на дно.

Царь и царица и весь народ Эфиопии радостно приветствовали героя. Царский дворец украсили цветами и зеленью, всюду зажгли светильники, нарядили невесту, собрались певцы и флейтисты, наполнили чаши вином, и начался свадебный пир.

На пиру Персей рассказывал Андромеде и её родителям про свои странствия. Вдруг раздался шум у входа во дворец, стук мечей и воинственные крики. Это с толпой воинов ворвался во дворец прежний жених Андромеды, Финей. В руках он держал копье и целился прямо в сердце Персея.

— Берегись, похититель!

И воины уже готовы были поразить копьями пирующих.

Отец Андромеды пытался остановить Финея:

— Не похититель Персей, а спаситель! Он спас Андромеду от чудовища. Если ты любил её, почему не пришёл ты на берег моря, когда чудовище явилось пожрать её? Ты покинул её, когда она ждала гибели, — почему теперь приходишь требовать её себе?

Ничего не ответил Финей царю и метнул копье в Персея, но промахнулся, — оно вонзилось в край ложа, где сидел Персей. Персей схватил вражеское копье и метнул обратно — в лицо Финея. Финей успел нагнуться, копье пролетело мимо него и ранило Финеева друга. Это было сигналом к битве. Началась жестокая, кровавая схватка. В страхе убежали прочь царь и царица, уводя с собой Андромеду. Прислонясь спиной к колонне, с щитом Афины в руках, Персей один отбивался от яростной толпы. Наконец он увидел, что ему одному не справиться с целым войском, и вынул из сумки голову Медузы.

Воин, целившийся в Персея, только взглянул в лицо Медузы — и вдруг застыл с протянутой рукой, мгновенно превратясь в камень. И все, кто смотрел на эту страшную голову, остановились, замерли, кто как был, окаменели навеки. Так и остались они каменными статуями во дворце эфиопского царя.

Персей с красавицей Андромедой, поспешили в путь — на остров Сериф. Ведь Персей обещал царю Полидекту принести голову Медузы.

Явившись на остров Сериф, Персей узнал, что мать его Даная скрывается от преследований Полидекта в храме, не смея выйти оттуда ни днём ни ночью.

Персей отправился во дворец царя и застал Полидекта за обедом. Царь был уверен, что Персей давно уже погиб где-то в пустыне или в

океане, и был поражён, увидев героя перед собой.

Персей сказал царю:

— Я исполнил твоё желание — принёс тебе голову Медузы.

Царь не поверил, стал смеяться. Смеялись с ним и друзья его.

Персей выхватил из сумки голову Медузы и высоко поднял её.

— Вот она — взгляни на неё!

Царь взглянул — и превратился в камень.

Персей не захотел остаться на Серифе, сделал царём острова старого рыбака, который когда-то выловил из моря ящик с Данаей и с ним, и отправился с женой и матерью на родину в Аргос.

Аргосский царь, узнав, что внук его жив и возвращается домой, покинул свой город и скрылся. Персей стал царём в Аргосе. Он вернул Гермесу его острый меч, Афине — её щит, добрым нимфам шлем-невидимку, крылатые сандалии и сумку, в которой прятал свою страшную добычу. Голову Медузы он принёс в дар Афине, и богиня с тех пор носит её, укрепив на своём золотом щите.

Однажды в Аргосе был праздник, и множество народа собралось смотреть состязание героев. Тайно пришёл на стадион и старый аргосский царь.

Во время состязания Персей с такой силой метнул тяжёлый бронзовый диск, что он пролетел над стадионом и, падая вниз, попал в голову старого царя и убил его на месте.

Так исполнилось предсказание: внук убил своего деда.

И, хоть это было нечаянное убийство, Персей уже не мог наследовать царство убитого им деда и, похоронив царя, добровольно покинул Аргос.

Дедал и Икар

В те далёкие времена, когда у людей ещё не было ни инструментов, ни машин, жил в Афинах великий художник Дедал. Он первый научил греков строить прекрасные здания. До него художники не умели изображать людей в движении и делали статуи, похожие на запелёнатых кукол с закрытыми глазами. Дедал же стал высекать из мрамора великолепные статуи, изображающие людей в движении.

Для своей работы Дедал сам придумал и сделал инструменты и научил людей пользоваться ими. Он научил строителей зданий, как проверять — камнем на нитке, — правильно ли кладут они стены.

У Дедала был племянник. Он помогал художнику в мастерской и учился у него искусствам. Рассматривая однажды плавники рыбы, он догадался сделать пилу; придумал циркуль, чтобы чертить правильный круг; вырезал из дерева круг, заставил его вращаться и стал лепить на нём глиняную посуду — горшки, кувшины и круглые чаши.

Однажды Дедал с юношей взошли на вершину Акрополя, чтобы с высоты посмотреть на красоту города. Задумавшись, юноша ступил на самый край обрыва, не удержался, упал с горы и разбился.

Афиняне обвинили Дедала в гибели мальчика. Дедалу пришлось бежать из Афин. На корабле он добрался до острова Крита и явился к критскому царю Миносу.

Минос был рад, что судьба привела к нему знаменитого афинского строителя и художника. Царь дал пристанище Дедалу и заставил его работать на себя. Дедал выстроил ему Лабиринт, где было столько комнат и так запутаны ходы, что всякий, кто входил туда, уже не мог сам найти выход.

До сих пор на острове Крите показывают остатки этого великолепного сооружения.

Долго жил Дедал у царя Миноса пленником на чужом острове среди моря. Часто сидел он на морском берегу, глядя в сторону родного края, вспоминал свой прекрасный город и тосковал. Уже много лет прошло, и, наверное, уже никто не помнил, в чём его обвиняли. Но Дедал знал, что Минос никогда не отпустит его и ни один корабль, отплывающий от Крита, не посмеет взять его с собой, опасаясь преследования. И всё-таки Дедал постоянно думал о возвращении.

Однажды, сидя у моря, он поднял глаза в широкое небо и подумал: «Нет для меня пути по морю, но вот небо открыто для меня. Кто может мне помешать на воздушной дороге? Птицы рассекают крыльями воздух и летят куда хотят. Разве человек хуже птицы?»

И ему захотелось сделать себе крылья, чтобы улететь из плена. Он стал собирать перья больших птиц, искусно связывал их льняными крепкими нитками и скреплял воском. Скоро он сделал четыре крыла — два для себя и два для своего сына Икара, который жил вместе с ним на Крите. Перевязью крест-накрест прикреплялись крылья к груди и к рукам.

И вот наступил день, когда Дедал попробовал свои крылья, надел и, плавно махая руками, поднялся над землёй. Крылья держали его в воздухе, и он направлял свой полёт в ту сторону, куда хотел.

Спустившись вниз, он надел крылья сыну и учил его летать.

— Спокойно и ровно взмахивай руками, не спускайся слишком низко к волнам, чтобы не смочить крылья, и не поднимайся высоко, чтобы лучи солнца не опалили тебя. Лети за мной следом. — Так говорил он Икару.

И вот рано утром они улетели с острова Крита.

Только рыбаки в море да пастухи на лугу видели, как они улетали, но и те подумали, что это крылатые боги пролетают над землёй. И вот уже далеко остался позади скалистый остров, и широко раскинулось под ними море.

День разгорался, солнце поднялось высоко, и лучи его жгли всё сильнее.

Осторожно летел Дедал, держась ближе к поверхности моря и боязливо оглядываясь на сына.

А Икару по душе был вольный полёт. Всё быстрее рассекал он крыльями воздух, и ему захотелось подняться высоко-высоко, выше ласточек, выше самого жаворонка, который поёт, глядя прямо в лицо солнцу. И в ту минуту, когда отец не глядел на него, Икар поднялся высоко вверх, к самому солнцу.

Под жаркими лучами растаял воск, скреплявший крылья, перья распались и разлетелись вокруг. Напрасно взмахивал Икар руками, — уже ничто больше не удерживало его в высоте. Он стремительно падал, упал и исчез в глубине моря.

Оглянулся Дедал — и не увидел в синеве неба летящего сына. Он глянул на море — лишь белые перья плыли на волнах.

В отчаянии опустился Дедал на первый встретившийся ему остров, сломал свои крылья и проклял своё искусство, погубившее его сына.

Но люди запомнили этот первый полёт, и с тех пор в их душах жила мечта о покорении воздуха, о просторных небесных дорогах.

Тезей

У афинского царя Эгея не было детей. Дважды он был женат, но жёны не родили ему ни сына, ни дочери, и он сильно горевал об этом. Он хотел знать, неужели ему суждено остаться бездетным, и спросил предсказателя — оракула. Ответ оракула был так загадочен, что Эгей не мог понять его.

В то время в Арголиде, в городе Трезены, жил старый мудрый Питфей. Эгей отправился к нему в Трезены — просить его разгадать ответ оракула. Питфей объяснил предсказание: у Эгея будет сын, которому суждено стать великим героем.

Эгей обрадовался и, чтобы скорей сбылось предсказание, женился в третий раз — на дочери Питфея — и стал ждать обещанного сына.

Но из Афин пришла весть, что враги, воспользовавшись долгим отсутствием царя, пытаются захватить власть в городе. Эгей должен был вернуться в Афины. Но дочь свою Питфей не отпустил с мужем: старому царю хотелось, чтобы обещанный судьбою герой родился в Трезенах и своим рождением прославил город.

Перед тем как покинуть Трезены, Эгей зарыл в царском саду под огромным камнем свой меч и пару сандалий и сказал жене:

— Когда мой сын станет таким большим и сильным, что сможет сдвинуть этот камень и достанет мой меч и сандалии, пусть он придёт ко мне в Афины: по этому мечу и сандалиям я узнаю его.

Эгей вернулся в Афины, а у жены его скоро родился мальчик — его назвали Тезеом. Тезей рос во дворце Питфея, и старый царь учил его всему, что нужно знать и уметь человеку, которому предстояли в жизни странствия, сражения и подвиги воина. Когда Тезею исполнилось шестнадцать лет, мать повела его в сад, показала ему большой камень и сказала:

— Вот здесь, под этим камнем, лежит подарок, оставленный тебе твоим отцом. Сдвинь камень и достань то, что под ним зарыто.

Юноша, сильными руками крепко охватив камень, сдвинул его в сторону и нашёл в земле меч и сандалии. Тогда мать открыла ему, кто его отец, опоясала сына отцовским мечом, надела ему на ноги отцовские сандалии и сказала, что по этому мечу и сандалиям отец узнает его.

Тезей захотел поскорее увидеть своего отца, и в тот же день он простился с матерью и дедом и отправился в Афины. Мать уговаривала его сесть на корабль и добраться до Афин морским путём — это было спокойнее, чем идти через леса и горы, где обитали хищные звери и злые разбойники подстерегали путников на дорогах.

Но Тезей жаждал подвигов и славы и пошёл в Афины прямой дорогой.

Смело миновал он границу дедовской земли и вступил в чужие горы. Пройдя немного, он встретил хромого великана, который ковылял по дороге, опираясь на толстую железную палицу, со звоном ударявшуюся о дорожные камни.

Увидев Тезея, великан закричал сердито:

— Эй, путник, возвращайся назад!

Тезей удивился и спросил, почему он должен вернуться, если ему надо идти вперёд.

Подняв над головой свою палицу, великан проревел:

— Возвращайся туда, откуда идёшь, и скажи всем, что я, Перифет, никому не даю здесь прохода! Клянусь этой палицей, которую выковал мне мой покровитель — божественный Гефест, — ты не ступишь ни шага дальше.

Говоря это, он размахивал своей железной палицей так, что ветер свистел вокруг и камни разлетались во все стороны.

Вместо того чтобы повернуться и уйти, Тезей бросился навстречу великану и столкнулся с ним так быстро, что Перифет не успел ударить юношу, а Тезей уже обхватил его руками за пояс и крепко сжимал, не выпуская. От неожиданности Перифет выронил из рук свою палицу и нагнулся, чтобы поднять её. Тезей тотчас сбил с ног хромого и вонзил ему в грудь отцовский меч. Потом он оттащил тело великана с дороги, подобрал его палицу и пошёл дальше, радуясь своей первой победе.

Но это было только начало его испытаний.

На Истме, проходя через густой и тёмный сосновый лес, юноша услышал, как хищные птицы с криками дрались в вершинах сосен, будто делили какую-то кровавую добычу. Внезапно свирепый великан Синис напал на Тезея сзади, сбил с ног, связал и поволок в лесную глушь.

— Видишь вон те две высокие сосны, что верхушками смотрят в небо? — сказал великан Тезею. — Я пригну их вниз, до самой земли, привяжу тебя к ним за руки, за ноги — и отпущу их. Так поступаю я с теми, кто входит в мой лес, недаром меня зовут Сгибатель Сосен!

Сказав это, великан ухватил верхушки двух ближних сосен и стал гнуть их к земле, не обращая внимания на своего пленника.

Тезей зубами вытянул отцовский меч из ножен, перерезал путы на руках и ногах и, бесшумно подкравшись, стал за спиной у великана разбойника. Как только верхушки сосен послушно коснулись земли и великан наступил на них ногами, Тезей с силой схватил его за руки, опутал их путами, привязал к ветвям и, отступив, отпустил сосны на волю. Со страшной силой тотчас распрямились высокие деревья и разорвали надвое Сгибателя Сосен.

А Тезей, взяв свой меч и палицу, без оглядки поспешил прочь из этого страшного леса.

Всё дальше он шёл и пришёл на берег моря. Здесь на скалистом уступе над морем сидел великан Скирон, который заставлял всех прохожих мыть ему ноги.

Тезей плянул вниз и увидел множество человеческих костей на берегу, а из воды высывала жадную пасть огромная морская черепаха. Юноша понял, что ему грозит; он притворился, будто готов исполнить требование великана, и нагнулся, словно собираясь зачерпнуть воды из моря. Великан поднял ногу, чтобы столкнуть юношу в море, как сталкивал всех до сих пор. Тезей быстро схватил великана за ногу и сбросил его самого в воду на съедение морскому чудовищу. Избавившись и от этого разбойника, Тезей отправился дальше.

Недалеко от Элевсина пришлось ему вступить в борьбу с силачом Керкионом, которого ещё никому не удалось победить. Тезей был молод, ловок, и приёмам борьбы с детства учил его мудрый Питфей, а Керкион был неповоротлив и привык побеждать слабых, — и Тезей быстро одолел его.

Довольный своими победами, думая о близкой встрече с отцом, Тезей поспешил дальше и шёл, не останавливаясь, до наступления ночи.

В темноте остановил его на дороге человек и стал уговаривать зайти к нему в дом отдохнуть и переночевать до утра.

— Ночью опасно идти одному по пустынной дороге, — говорил человек, — войди в мой дом, поешь со мной и отдохни на моём ложе. Меня зовут Прокрустом, дом мой всегда открыт для странников, и моё ложе готово для тебя.

Так ласково говорил Прокруст, что Тезей с охотой согласился и вошёл к нему в дом.

Но человек тот был коварный и жестокий разбойник: он заманивал путников и укладывал их на своё ложе; кто не умещался в нём — тому отрубал голову или ноги, а кто был мал для него — того вытягивал так, что он умирал в мучениях. Прокруст хотел погубить и Тезея. Но юный герой, увидев окровавленное Прокрустово ложе и человеческие обрубки вокруг него, пришёл в такой гнев, что схватил самого разбойника и бросил его на страшное ложе, а так как оно было коротко ему, Тезей отрубил Прокрусту его длинные ноги. Оставив его на проклятом ложе, Тезей покинул разбойничий дом и поспешил к священному источнику, чтобы очиститься от пролитой крови.

Наконец он увидел перед собой Афины и вошёл в город своего отца.

Афинские жители смотрели на него с удивлением, когда он проходил по улицам: его длинная одежда, длинные до плеч волосы были необычные для афинян, и его принимали за девушку. Рабочие, строившие храм на площади, стали смеяться над ним. Тезей рассердился, схватил пустую колесницу и бросил её в шутников с такой силой, что она взлетела на крышу храма. Все увидели, что перед ними не слабая девушка, а юный герой, наделённый громадной силой, и поскорее проводили его ко дворцу царя, куда он направлялся.

Эгей был тогда уже стар. В доме его всем распоряжалась волшебница Медея, которая была прежде женой аргонавта Язона, а потом скрылась из Коринфа и попросила приюта у афинского царя, пообещав вернуть ему молодость.

Медея догадалась сразу, что юноша, пришедший во дворец, — сын Эгея. Приход Тезея в Афины сулил много перемен, и она поняла, что её власти над царём наступит конец. Медея решила погубить молодого царевича. Когда Эгею сказали, что во дворец явился чужестранец и хочет увидеться с царём, Медея уверила старика, что гость этот — злодей, подосланный врагами, и уговорила Эгея отравить его.

Сидя рядом с Эгеем за царским столом, Тезей с волнением ждал случая, чтобы обнаружить себя перед отцом. И вот, когда Медея, сделав знак царю, с коварной улыбкой протянула юноше чашу с отравленным вином, Тезей вынул из ножен отцовский меч — как будто для того, чтобы отрезать себе кусок хлеба. Эгей узнал свой меч и понял, кто этот юноша, пришедший к нему. В ужасе вырвал он из рук его и бросил на пол отравленную чашу и раскрыл объятия своему сыну. Увидев это, Медея мгновенно скрылась из дворца и покинула Афины.

Эгей велел оповестить афинян о прибытии своего сына, их будущего царя, и весёлым пиром отпраздновал свою встречу с Тезеем.

Но враги Эгея, которые давно хотели отобрать у него Афины и ждали только смерти старого царя, чтобы занять город, были очень недовольны появлением молодого наследника. Они решили силой помешать ему. Отправили в Афины отряд воинов, меньшую его часть направили к городским воротам, а другая — сильнейшая — должна была тайно обойти город и напасть на афинян с тыла. Тезей понял хитрость противника, внезапно сам напал на тех, кто был в засаде, в тылу, и уничтожил всех воинов до единого. А те, что подступали к воротам, узнав о гибели остального отряда, смутились и обратились в

бегство. Так Тезей избавил отца от давних его врагов и надеялся, что никто не нарушит больше покоя и мира в Афинах.

Но однажды утром он был разбужен криками народа и увидел город в смятении. Ему рассказали печальную историю.

Был когда-то праздник в Афинах. Съехались гости из разных городов. Шли состязания юношей в силе и ловкости, в беге и борьбе. Сын критского царя Миноса победил в состязаниях всех афинских бойцов. Эгей не мог снести этого. Он предложил победителю показать свою силу — укротить свирепого быка, с которым никто не мог справиться. Бык растерзал критянина.

Тогда Минос снарядил свой корабль, пошёл войной на Афины и осадил город. Афиняне не выдержали жестокой осады — голод вынудил их сдаться. Минос потребовал с Афин страшной дани: каждые девять лет семь девушек, самых красивых, и семь юношей, самых сильных, должны были отправиться на остров Крит. Там на берегу моря был огромный мрачный дворец — Лабиринт, его выстроил когда-то знаменитый греческий строитель Дедал, когда пленником жил у Миноса на Крите. В этом дворце было столько комнат и зал, столько дверей и переходов и так хитро был запутан план его, что тот, кто попадал во дворец, без конца кружил по нему и уже не мог найти из него выхода. Как огромная западня был Лабиринт: в самом центре его, куда вели все запутанные ходы, жил людоед Минотавр — чудовище с головой быка. Говорили, что Минотавр был рождён Пасифаей, женой Миноса, и царь приказал построить Лабиринт, чтобы скрыть в нём свой позор. На съедение Минотавру Минос отдавал афинских юношей и девушек.

И вот вновь наступил страшный срок. В афинской гавани снаряжали корабль и в знак печали подымали на нём чёрный парус. Плач раздавался в домах обречённых.

Афиняне толпой пришли во дворец. Они сказали Эгею:

— Мы отдаём чудовищу своих детей, а твой сын остаётся с тобой, и ты не разделяешь нашего горя.

Тезей не мог слышать эти упрёки.

— Я готов, — отвечал он афинянам, — заменить одного из ваших сыновей и отправиться на Крит вместе с другими. Но, клянусь вам, мы не погибнем! Я убью кровавого Минотавра и навсегда освобожу вас от тяжкой дани.

Эгей пришёл в ужас, услышав эти слова. Он умолял Тезея остаться в Афинах, уговаривал афинян не отдавать чудовищу их будущего царя. Но Тезей уверял отца, что не погибнет и вернётся победителем. Он обещал опечаленному отцу: если останется жив, то на обратном пути прикажет поставить на корабле белый парус вместо чёрного, чтобы отец увидел издали, этот светлый знак победы.

Настал день отъезда. Семь юношей и семь девушек взошли на корабль и поплыли к острову Криту, полные страха и тайной надежды.

Когда афинский корабль приплыл к Криту и остановился у пристани, Минос приказал тотчас привести обречённых к себе во дворец. Они шли по берегу моря, и критяне смотрели на них и говорили об их жестокой судьбе. Тезей шёл впереди всех, смелый и прекрасный, и ободрял товарищей. Когда их привели к царю, Минос стал насмехаться над ними и оскорбил одну из девушек. Тезей горячо вступился за неё.

— Кто ты такой, чтобы возражать мне, царю Крита, сыну великого Зевса? — высокомерно спросил Минос.

— Я тоже царского рода, я сын царя, и бог морей Посейдон — мой защитник и покровитель с детства, — отвечал царю Тезей.

За этим спором следила со страхом дочь Миноса, красавица Ариадна. Она сразу отличила Тезея среди афинских юношей — он пленил её своей мужественной красотой, бесстрашием и тем, как горячо защитил свою подругу. Ариадна втайне позавидовала девушке, в сердце её зажглась любовь к афинскому царевичу. Поэтому она испугалась, когда Минос сказал со злой усмешкой:

— Если правда, что Посейдон — твой покровитель, пусть он поможет тебе достать это кольцо.

И, сняв с пальца золотое кольцо, царь бросил его в море.

Тезей смело кинулся в волны.

Крик замер в устах Ариадны, в страхе прижались друг к другу пленники. Все молча смотрели на море и ждали. Время бежало, и никто не надеялся, что юноша может вернуться.

Но, едва только волны сомкнулись над головой Тезея, слуга Посейдона Тритон взял юношу на руки и отнёс его в жилище морского царя. Там Посейдон и царица морей Амфитрита обласкали юного героя и вручили ему кольцо Миноса. И снова Тритон подхватил его и вынес из глубины моря к берегу, где люди ждали его.

И вот уже Тезей стоял перед Миносом и протягивал ему кольцо. Радостными криками приветствовали афиняне своего смелого товарища, и дивились происшедшему критяне, собравшиеся на берегу.

Царь Минос приказал немедленно отвести пленников в Лабиринт и запереть там.

Тогда Ариадна решила спасти Тезея.

Когда семь девушек и семь юношей подошли к Лабиринту, Ариадна была уже там, у входа. Она дала Тезею клубок ниток и научила закрепить конец нити у входной двери и, идя по Лабиринту, потихоньку разматывать клубок, чтобы нить тянулась через все комнаты, по каким они пройдут. Тезей послушался, вошёл в Лабиринт, и товарищи с ним; разматывая клубок, они дошли до логовища Минотавра. Увидев чудовище с бычьей головой, юноши и девушки оробели и отступили назад. Тезей один пошёл на него и в жестоком поединке победил и убил Минотавра, к великой радости своих товарищей, которые, в страхе прижавшись к стенам, ждали исхода борьбы. При виде убитого Минотавра юноши громко славили Тезея, а девушки обнимали друг друга и плакали от радости. Потом, держась за спасительную нить Ариадны, они вернулись назад по запутанным ходам и благополучно выбрались из Лабиринта.

Ариадна ожидала их у входа. Спасённые направились в гавань, где стоял их корабль, и Ариадна последовала за ними. Она знала, что отец её сильно разгневется, узнав о победе Тезея и бегстве афинян, и захочет послать за ними в погоню корабли. Она научила Тезея и его товарищей прорезать днища критских кораблей, стоявших в гавани. Потом, взойдя на свой корабль, афиняне поспешно отплыли от Крита.

И Ариадна отправилась с ними — она надеялась, что, в благодарность за её помощь, Тезей ответит на её любовь.

По пути они пристали к острову Наксосу, чтобы провести ночь на земле и хорошенько отдохнуть, потому что уже давно они не спали и были утомлены.

Ночью во сне Тезей услышал голос, который приказывал ему оставить Ариадну на острове и плыть домой без неё. Тезей разбудил товарищей, и они потихоньку покинули Наксос, оставив Ариадну спящей.

Проснувшись утром, Ариадна увидела, что она покинута афинянами. С криком бросилась она к морю и жадно смотрела вдаль и звала Тезея. В отчаянии упала она на землю и просила себе смерти у богов.

Но вместо чёрного бога смерти к ней явился весёлый бог Дионис, успокоил и утешил её. Он сделал Ариадну своей женой, бессмертной богиней и подарил ей венец из сверкающих звёзд. Ариадна возложила свой венец на небо, — и там он блестит и светит среди других созвездий.

Тезей возвращался в Афины. Попутный ветер надувал чёрный парус, и морские волны подгоняли корабль. Сидя на борту корабля, Тезей глядел туда, где в тумане скрылся Наксос, и раскаяние мучило его. Он вспоминал красоту Ариадны и помощь, которую она оказала ему и его товарищам, выведя их из Лабиринта, — и раскаивался, что покинул её одну на острове. Полный мрачных мыслей, Тезей позабыл обещание, данное отцу, и не сменил чёрный парус на белый на своём корабле.

Эгей ждал возвращения сына. Старый царь сидел на берегу, глядя на море: не покажется ли вдали белый парус, не возвращается ли домой любимый сын. Наконец далеко у края моря появился парус, но — чёрный. Чёрный парус — знак смерти!

Свет померк в глазах Эгея. В отчаянии он бросился с высокого берега в море.

Когда корабль подошёл к городу и Тезей торжественно сошёл на родную землю, его встретила весть о гибели отца. Это было отмщение. И печальным было начало его царствования в Афинах.

А море, в котором бедный отец нашёл себе могилу, с тех пор называют люди Эгейским.

Орфей и Эвридика

На севере Греции, во Фракии, жил певец Орфей. Чудесный дар песен был у него, и слава о нём шла по всей земле греков.

За песни полюбила его красавица Эвридика. Она стала его женой. Но счастье их было недолговечно. Однажды Орфей и Эвридика были в лесу. Орфей играл на своей семиструнной кифаре и пел. Эвридика собирала цветы на полянах. Незаметно она отошла далеко от мужа, в лесную плушь. Вдруг ей почудилось, что кто-то бежит по лесу, ломая сучья, гонится за ней, она испугалась и, бросив цветы, побежала назад, к Орфею. Она бежала, не разбирая дороги, по густой траве и в стремительном беге ступила в змеиное гнездо. Змея обвилась вокруг её ноги и ужалила. Эвридика громко закричала от боли и страха и упала на траву. Орфей услышал издали жалобный крик жены и поспешил к ней. Но он увидел, как между деревьев мелькнули большие чёрные крылья, — это Смерть уносила Эвридику в подземное царство.

Велико было горе Орфея. Он ушёл от людей и целые дни проводил один, скитаясь по лесам, изливая в песнях свою тоску. И такая сила была в этих тоскливых песнях, что деревья сходили со своих мест и окружали певца. Звери выходили из нор, птицы покидали свои гнёзда, камни сдвигались ближе. И все слушали, как он тосковал по своей любимой.

Проходили ночи и дни, но Орфей не мог утешиться, с каждым часом росла его печаль.

— Нет, не могу я жить без Эвридики! — говорил он. — Не мила мне земля без неё. Пусть и меня возьмёт Смерть, пусть хоть в подземном царстве буду вместе с моей любимой!

Но Смерть не приходила. И Орфей решил сам отправиться в царство мёртвых.

Долго искал он входа в подземное царство и, наконец, в глубокой пещере Тэнара нашёл ручеёк, который тёк в подземную реку Стикс. По руслу этого ручья Орфей спустился глубоко под землю и дошёл до берега Стикса. За этой рекой начиналось царство мёртвых.

Черны и глубоки воды Стикса, и страшно живому ступить в них. Вздохи, тихий плач слышал Орфей за спиной у себя — это тени умерших ждали, как и он, переправы в страну, откуда никому нет возврата.

Вот от противоположного берега отделилась лодка: перевозчик мёртвых, Харон, плыл за новыми пришельцами. Молча причалил к берегу Харон, и тени покорно заполнили лодку. Орфей стал просить Харона:

— Перевези и меня на тот берег!

Но Харон отказал:

— Только мёртвых я перевозжу на тот берег. Когда ты умрёшь, я приеду за тобой!

— Сжался! — молил Орфей. — Я не хочу больше жить! Мне тяжело одному оставаться на земле! Я хочу увидеть мою Эвридику!

Суровый перевозчик оттолкнул его и уже хотел отчалить от берега, но жалобно зазвенели струны кифары, и Орфей запел. Под мрачными сводами Аида разнеслись печальные и нежные звуки. Остановились холодные волны Стикса, и сам Харон, опершись на весло, заслушался песни. Орфей вошёл в лодку, и Харон послушно

перевёз его на другой берег. Услышав горячую песню живого о неумирающей любви, со всех сторон слетались тени мёртвых. Смело шёл Орфей по безмолвному царству мёртвых, и никто не остановил его.

Так дошёл он до дворца повелителя подземного царства — Аида и вступил в обширный и мрачный зал. Высоко на золотом троне сидел грозный Аид и рядом с ним его прекрасная царица Персефона.

Со сверкающим мечом в руке, в чёрном плаще, с огромными чёрными крыльями, стоял за спиной Аида бог Смерти, а вокруг него толпились прислужницы его, Керы, что летают на поле битвы и отнимают жизнь у воинов. В стороне от трона сидели суровые судьи подземного царства и судили умерших за их земные дела.

В тёмных углах зала, за колоннами, прятались Воспоминания. У них в руках были бичи из живых змей, и они больно жалили стоявших перед судом.

Много всяких чудовищ увидел Орфей в царстве мёртвых: Ламию, которая крадёт по ночам маленьких детей у матерей, и страшную Эмпузу с ослиными ногами, пьющую кровь людей, и свирепых стигийских собак.

Только младший брат бога Смерти — бог Сна, юный Гипнос, прекрасный и радостный, носился по залу на своих лёгких крыльях, мешая в серебряном роге сонный напиток, которому никто на земле не может противиться, — даже сам великий Громовержец Зевс засыпает, когда Гипнос брызжет в него своим зельем.

Аид грозно взглянул на Орфея, и все вокруг задрожали.

Но певец приблизился к трону мрачного владыки и запел ещё вдохновеннее: он пел о своей любви к Эвридике.

Не дыша слушала песню Персефона, и слезы катились из её прекрасных глаз. Грозный Аид склонил голову на грудь и задумался. Бог Смерти опустил вниз свой сверкающий меч.

Певец замолк, и долго длилось молчание. Тогда поднял голову Аид и спросил:

— Чего ты ищешь, певец, в царстве мёртвых? Скажи, чего ты хочешь, и я обещаю тебе исполнить твою просьбу.

Орфей сказал Аиду:

— Владыка! Коротка наша жизнь на земле, и всех нас когда-нибудь настигает Смерть и уводит в твоё царство, — никто из

смертных не может избежать её. Но я, живой, сам пришёл в царство мёртвых просить тебя: верни мне мою Эвридику! Она ещё так мало жила на земле, так мало успела порадоваться, так недолго любила... Отпусти, повелитель, её на землю! Дай ей ещё немного пожить на свете, дай насладиться солнцем, теплом и светом и зеленью полей, весенней прелестью лесов и моей любовью. Ведь всё равно после она вернётся к тебе!

Так говорил Орфей и просил Персефону:

— Заступись за меня, прекрасная царица! Ты ведь знаешь, как хороша жизнь на земле! Помоги мне вернуть мою Эвридику!

— Пусть будет так, как ты просишь! — сказал Аид Орфею. — Я верну тебе Эвридику. Ты можешь увести её с собой наверх, на светлую землю. Но ты должен обещать...

— Всё, что прикажешь! — воскликнул Орфей. — Я готов на всё, чтобы увидеть вновь мою Эвридику!

— Ты не должен видеть её, пока не выйдешь на свет, — сказал Аид. — Возвращайся на землю и знай: следом за тобой будет идти Эвридика. Но не оглядывайся назад и не пытайся посмотреть на неё. Оглянешься — потеряешь её навеки!

И Аид приказал Эвридике следовать за Орфеем.

Быстро направился Орфей к выходу из царства мёртвых. Как дух, миновал он страну Смерти, и тень Эвридики шла за ним. Они вошли в лодку Харона, и он безмолвно перевёз их обратно к берегу жизни. Крутая каменистая тропинка вела наверх, на землю.

Медленно поднимался в гору Орфей. Темно и тихо было вокруг и тихо было у него за спиной, словно никто не шёл за ним. Только сердце его стучало: «Эвридика! Эвридика!»

Наконец впереди стало светлеть, близок был выход на землю. И чем ближе был выход, тем светлее становилось впереди, и вот уже всё стало ясно видно вокруг.

Тревога сжала сердце Орфея: здесь ли Эвридика? Идёт ли за ним? Забыв всё на свете, остановился Орфей и оглянулся.

— Где ты, Эвридика? Дай взглянуть на тебя! На мгновение, совсем близко, увидел он милую тень, дорогое, прекрасное лицо... Но лишь на мгновение. Тотчас отлетела тень Эвридики, исчезла, растаяла во мраке.

— Эвридика?!

С отчаянным криком Орфей стал спускаться назад по тропинке и вновь пришёл на берег чёрного Стикса и звал перевозчика. Но напрасно он молил и звал: никто не отозвался на его мольбы. Долго сидел Орфей на берегу Стикса один и ждал. Он не дождался никого.

Пришлось ему вернуться на землю и жить. Но он не мог забыть свою единственную любовь — Эвридику, и память о ней жила в его сердце и в его песнях.

Геракл

Рождение героя

Когда пришло время родиться Гераклу, на Олимпе был пир богов. Владыка мира Зевс возвестил богам, что в этот час на земле среди людей родится величайший герой, который будет одарён могучей силой, совершит великие дела и прославится на все времена.

— Он будет моим любимым сыном, я дам ему власть над всей Грецией, и другие герои будут служить ему! — сказал Зевс.

Гера, супруга Зевса, обиделась, что такую силу и славу Зевс хочет дать сыну смертной женщины. Мгновенно у неё возник коварный план. Она сказала Зевсу:

— Поклянись же, что тот, кто первый родится в этот час, получит власть над всей Грецией и другие герои должны будут служить ему!

Если бы Зевс взглянул в тот миг на свою божественную супругу, он понял бы, что она задумала недоброе, потому что ни у кого на земле и на небе не могло быть тайн от владыки мира ни в делах, ни в мыслях. Но в эту минуту Ата, богиня обмана, отвлекла его внимание, и Зевс не заметил хитрости Геры. Он поднял свою золотую чашу и сказал:

— Клянусь! Так будет!

Две женщины на земле ожидали в тот час ребёнка: в Фивах царица Алкмена, которую Зевс выбрал в матери великому герою, и в Микенах аргосская царица. Тогда Гера своей властью задержала рождение одного и ускорила появление второго. И вот сначала явился на свет с жалобным плачем хилый и слабый аргосский царевич Еврисфей, а уж после него сын Алкмены. Как только родился Еврисфей, Гера объявила Зевсу:

— Радуйся, Громовержец: сейчас на земле родился тот, кого ты обещал сделать господином всей Греции!

Зевс понял злую проделку Геры. Лицо его потемнело от гнева. Все смолкли, ожидая грозы.

Тогда Громовержец обрушился на богиню обмана Ату. Он сбросил её с Олимпа на землю и навсегда запретил появляться среди богов в

своём светлом небесном доме. С тех пор богиня обмана живёт среди людей на земле и своими злыми выдумками сеет вражду между ними.

Потом владыка мира обратился к Гере и сказал ей:

— Я знаю, теперь ты будешь преследовать сына Алкмены, подвергать его многим опасностям. Но он выдержит все испытания, одолеет все препятствия, а твои усилия помешать ему только увеличат его славу. Он совершит подвиги, каких до него не совершал никто, и одержит много славных побед. А когда он закончит свои земные дела, я подыму его на Олимп, и ты сама примешь его в круг бессмертных. И пусть будет имя ему Геракл, что значит «прославленный Герой».

Гера хочет погубить Геракла

Амфитрион, царь Фив, вернулся из похода и отдыхал от военных трудов. Острый меч его покойно висел на стене над постелью. А в глубоком щите его, как в колыбели, спали Ификл и Геракл, два маленьких сына Алкмены. Она устлала щит кудрявой шелковистой шкурой белого барана, чтобы детям было мягко спать.

Была тёплая тихая ночь, и луна светила в полуоткрытую дверь. Все спали во дворце — и царь, и царица, и служанки, и воины царя.

В полночь послышался шорох на каменных плитах террасы, и в спальню из сада тихо вползли две змеи — злые посланницы богини Геры. Они проползли мимо ложа царицы и качнули щит, в котором спали дети. Круглые змеиные головы поднялись над краем щита, змеиные глаза засветились, вся комната наполнилась зеленоватым сиянием. С лёгким свистом качались змеи над спящими детьми, высунув длинные чёрные языки.

Мальчики вдруг проснулись. Ификл испугался, закричал, перекинулся через край щита и пополз прочь, плача и зовя мать. Змеи не тронули его; они вползли в колыбель и обвили маленького Геракла холодными, скользкими кольцами. Геракл засмеялся, протянул руки, словно играя, и схватил змей за шеи. Злые гадины извивались в руках ребёнка, стараясь ужалить его, а он всё крепче сжимал их, пока не задушил совсем. Смолкло шипение, и свет в змеиных глазах померк.

Плач Ификла разбудил Алкмену. Она в страхе вскочила с постели и позвала на помощь. Амфитрион схватил свой меч и прибежал в комнату царицы. Сбежались служанки и воины, принесли светильники и при свете их увидели: маленький Геракл лежал невредимый в своей колыбели, держа в руках задушенных змей, и смеялся.

Гераклу было в то время не больше года.

Выбор пути

Когда Геракл немного подрос. Амфитрион стал его учить всему, что должен уметь и знать воин: стрелять из лука, владеть мечом, метать копьё, биться на кулачках, управлять конями. Царь хотел также, чтобы Геракл вырос просвещённым человеком и знал толк в науках и

искусствах. Но Геракл не был прилежен в этом, и часто учителя его были им недовольны.

Однажды учитель музыки рассердился на Геракла и ударил его. Мальчик пришёл в ярость и с такой силой бросил в учителя кифарой, что тот упал мёртвый.

Амфитрион разгневался и приказал судить Геракла. Но юный Геракл горячо защищался:

— Он первый ударил меня! На удар надо отвечать ударом. Я не хотел убить его. Я не знал, что в моём ударе такая сила.

Тогда Амфитрион стал опасаться силы Геракла и, чтобы он не натворил ещё каких-нибудь бед, послал его в горы пасти стада. Там на высоких горных лугах и в лесу Геракл провёл несколько лет, жил, как простой пастух, трудясь и закаляя своё здоровье.

К двадцати годам он вернулся в Фивы, готовый к подвигам и жаждущий испытать свои силы.

Тем временем в Микенах, в Аргосе, выросстал царевич Еврисфей, опередивший Геракла рождением. Ни красотой, ни умом, ни силой, ни мужеством он не был одарён. Но по слову Зевса, украденному Герой, он должен был получить власть над всей Грецией, предназначенную Гераклу, и сам Геракл должен был служить ему.

Когда Еврисфею исполнилось двадцать лет, умер его отец, и Еврисфей стал царём в Микенах.

Его покровительница Гера тотчас велела ему призвать к себе Геракла.

Гонец Еврисфея отправился в Фивы и сказал, что его господин требует, чтобы Геракл, повинувшись воле богов, явился служить ему. Двенадцать раз должен Геракл выполнить то, что прикажет ему Еврисфей, — тогда царь обещает отпустить его.

Друзья Геракла, с которыми он проводил дни, уговаривали его не слушаться Еврисфея и остаться в Фивах.

Геракл знал, что силой нельзя принудить его служить Еврисфею, но мысль о подвигах, которые он мог совершить, волновала его.

В глубоком раздумье, полный сомнений, возвращался он однажды домой и на дороге увидел двух женщин, шедших к нему с двух сторон.

Одна была в простой белой одежде, гладко причёсана. Глаза её смотрели ясно и прямо, все движения были покойны и свободны.

Неторопливо, с достоинством шла она к Гераклу и, остановившись перед ним, дружески приветствовала его.

Другая женщина была очень красива. Яркий, пёстрый наряд подчёркивал её красоту. Лицо её было набелено и нарумянено, брови подведены и губы подкрашены, волосы заплетены в множество мелких кос и хитро уложены на голове. На голых руках женщины звенели золотые браслеты, и она шла, точно танцевала.

Легко подбежала она к Гераклу, взяла его нежно за руки и сказала, заглядывая в глаза:

— Ты сомневаешься и раздумываешь, лицо твоё мрачно, брови нахмурены... Брось, не утруждай себя думами, посмотри на меня и улыбнись скорее! Жизнь прекрасна, и в ней столько радостей! Живи для себя. Жизнь — весёлый праздник, и единственная забота — получать как можно больше удовольствия: вкусно есть, сладко спать, красиво наряжаться и ничем не утомлять себя. Счастлив тот, кто может прожить всю жизнь, как гость на пиру: без трудов и забот! Идём со мной, и ты будешь счастлив!

Так говорила красавица и тянула Геракла за собой.

Очарованный, смущённый, он уже готов был последовать за нею, но другая женщина остановила его.

— Стыдись! — сказала она презрительно. — Боги дали тебе могучую силу, а ты хочешь бездельничать и пировать, пользуясь трудами других, как беспомощное дитя. Сильный распоряжается жизнью, как хозяин, он сам делает её прекрасной — он борется со

злом и очищает землю от чудовищ и врагов. Сила и ум даны человеку для борьбы. Чем сильнее человек, тем труднее его жизнь.

— Слышишь? — сказала Гераклу, смеясь, красавица. — Пойди за нею, и ты не узнаешь радости, не будешь иметь ни покоя, ни отдыха.

— Отдых хорош после работы, — возразила первая женщина, — покой даёт человеку спокойная совесть. А самая большая радость для героя — знать, что ты сделал что-то доброе и не зря жил на земле. Послушай меня, друг! Сегодня праздник, завтра пир — и душа человека опустошается, скука бродит по дому. От обильной еды пропадает желание есть, от лишнего сна человек становится расслабленным и вялым. Печальна судьба человека, который всю жизнь только гость на чужом пиру. Когда-нибудь окончится пир, слуги выгонят засидевшихся, и он останется один на пустой улице. Кому он будет нужен, кто позаботится о нём? Лишь тот, кто потрудился в молодые годы, заслужит почёт и беззаботную старость. В битвах, в походах, в дальних дорогах, в единоборстве с чудовищами, в сражениях с врагами счастье героя!

При этих словах лицо женщины засияло необыкновенным светом, и Геракл, оставив красавицу, воскликнул:

— Богиня, я иду за тобой!

Мгновенно исчезли из глаз обе женщины, даже следов не осталось на пыльной дороге, словно всё это привиделось Гераклу. Но теперь весело и решительно он поспешил домой — он знал, что ему делать.

— Я иду в Микены, — сказал он наутро родным и друзьям. — Я должен исполнить волю богов и совершить двенадцать подвигов, которых потребует от меня Еврисфей.

Никто не посмел его отговаривать, а самый близкий его друг, Иолай, вызвался сопровождать его.

Геракл сделал себе лук и стрелы, выломал в лесу крепкую дубинку и отправился к царю Еврисфею.

Первый подвиг

Геракл убивает Немейского льва

Уже давно жители Немеи жаловались, что нельзя пасти скот на лугах около леса, что в лесу ни пройти, ни проехать и даже в домах нельзя спать спокойно: огромный лев жил посреди Немейского леса, и каждый день то овца из стада, то ребёнок, то мирный путник с дороги пропадали бесследно.

Даже храбрый воин с мечом и щитом не выходил живым из Немейского леса, потому что оружие было бессильно против свирепого льва — ни копьё, ни стрелы не могли пробить его шкуру, и острый меч не причинял ему никакого вреда.

— Горе нам! — говорили немейские крестьяне. — Скоро весь наш край будет опустошён.

Богиня Гера, покровительница царя Еврисфея, научила его потребовать от Геракла, чтобы он убил Немейского льва.

Геракл пришёл в Немею и стал расспрашивать людей, живших около леса, далеко ли логовище льва и как найти его.

Но никто не хотел показать ему дорогу, никто не отважился проводить его.

— Лев сам найдёт тебя, лишь только ты войдёшь в лес, — говорили люди и с жалостью смотрели на молодого героя — они не верили, что он сможет победить страшного зверя.

Геракл один направился в лес. Высокие деревья обступили его со всех сторон, удивлённо качая верхушками, кустарники цеплялись за него, чтобы задержать, птицы кричали, чтобы напугать его, но он шёл вперёд и искал на земле следы зверя.

Шёл он недолго и вдруг услышал неподалёку глухое рычание льва и пошёл прямо на него. Лев тоже почуял врага и, взревев так, что весь лес задрожал, в несколько прыжков очутился перед Гераклом. Величественно остановился он против героя, злобно поводя глазами, с силой ударяя себя хвостом по бокам и дико рыча. Геракл не смутился и, подняв лук, быстро пустил стрелу прямо в глаз льву. Лев с досадой мотнул головой и лапой смахнул стрелу, как соломинку. Потом,

присев, как кошка, он прыгнул с поднятой лапой, готовый раздавить смельчака. Геракл увернулся и тяжёлой дубинкой со всей силой ударил льва по косматой голове. Но дубинка отскочила, не причинив льву вреда, и выпала из рук Геракла. Лев опять помотал головой, протяжно и громко зевнул и вдруг, как будто соскучившись, повернулся, побежал обратно в чащу леса и скрылся.

Геракл пошёл за ним.

Скоро увидел он вход в пещеру и, отбросив лук и стрелы, вошёл в неё. В пещере было темно, ощупью пробирался он вперёд. Вдруг лев вскочил ему на грудь и хотел растерзать его, но Геракл вцепился обеими руками в горло зверя, сдавил его шею, точно железным кольцом, и задушил.

Туша льва была так велика и тяжела, что Геракл не мог поднять её.

Тогда он содрал со льва шкуру вместе с головой, надел её на себя и пошёл в Микены.

Люди с криком разбегались при виде Геракла с львиной головой на плечах. Сам царь Еврисфей спрятался от него в дальний угол дворца.

— Вот я принёс царю шкуру Немейского льва, — сказал Геракл.

Но трусливый Еврисфей боялся даже мёртвого льва и не решился взглянуть на его шкуру.

— Пусть Геракл возьмёт её себе, — приказал царь.

— Благодарю, — сказал Геракл и унёс львиную шкуру с собой.

Он стал носить её как плащ, и она хорошо укрывала его, потому что ни меч, ни стрелы не могли пробить её.

Прикрывшись шкурой Немейского льва, Геракл отправился выполнять второй приказ царя Еврисфея.

Второй подвиг

Геракл уничтожает Лернейскую гидру

Недалеко от Аргоса находилось обширное Лернейское болото.

Чистый и свежий источник вытекал здесь из-под земли, но слабый ручеёк не мог пробить себе дорогу к реке или к морю и растекался вокруг в низине. Вода застаивалась, зарастала мхом и болотными травами, и огромная долина превратилась в болото. Яркая зелень, всегда покрывавшая болото, манила к себе усталого путника, но едва он ступал на зелёную лужайку, с шипением и свистом выползало из трясины девятиголовое чудовище — гидра. Она обвивалась своим змеиным хвостом вокруг человека, затягивала его в болото и пожирала.

Вечером, когда гидра, насытившись, засыпала, ядовитое дыхание её девяти пастей вставало туманом над болотом и отравляло воздух. Тот, кто дышал этим воздухом, заболел, долго болел и умирал. Поэтому люди старались не приближаться к болоту и боялись селиться около этого страшного места.

И вот царь Еврисфей приказал Гераклу уничтожить Лернейскую гидру.

Геракл отправился в Лерну на колеснице, которой правил его друг Иолай. Доехав до болота, Геракл оставил Иолая с колесницей у дороги, а сам зажёл факел и отважно зашагал к болоту.

Гидра в тот час была сыта и дремала. Геракл стал пускать в неё горящие стрелы, зажигая концы их факелом. Раздразнив гидру, он заставил её выползти из болота. Холодным, скользким хвостом она обвила левую ногу Геракла, и все девять голов зашипели вокруг него. Геракл поплотней завернулся в львиную шкуру, надёжную защитницу и от звериных зубов и от змеиного жала, вынул меч и стал рубить одну за другой страшные головы гидры.

Но едва стекала из раны чёрная кровь, на месте отрубленной головы выростали две другие, ещё злее, ещё страшнее. Скоро Геракл был окружён словно живым кустом шипящих голов, и все они тянулись к нему, разевая кровавые пасти.

Он не мог сдвинуться с места — нога его была в кольце змеиного хвоста, рука устала рубить всё новые и новые головы гидры. Вдруг он почувствовал боль в правой ноге и, нагнувшись, увидел рака, который клешней впился ему в пятку.

Геракл засмеялся:

— Двое против одного? Это нечестно! Борьба неравна. Теперь и я имею право позвать друга на помощь!

И он позвал Июлая, ждавшего у колесницы.

Геракл дал ему факел и велел жечь огнём рану, как только меч снесёт голову гидры. И там, где огонь касался чудовища, уже не выростали новые головы. Скоро последняя голова гидры скатилась в болото. Но она не хотела умирать даже после того, как была отрублена, и, лёжа на траве в крови, поводила злыми глазами и в немой ярости разевала пасть. Гераклу пришлось вынести её из болота и зарыть в землю, чтобы она не причинила кому-нибудь зла.

В чёрной крови Лернейской гидры Геракл смочил концы своих стрел, и они стали смертельными — никакая сила не могла исцелить того, кто был поражён такой стрелой.

Третий подвиг

Геракл догоняет Керинейскую лань

Дровосеки, собиравшие хворост в лесу на склонах Аркадских гор, увидели однажды красавицу лань с золотыми рогами. Она стояла высоко на крутой скале и при виде людей умчалась, как вихрь, только ветки деревьев закачались да зазвенели по камням серебряные копытца.

Слух о чудесной лани пошёл по селениям, и многие охотники не раз отправлялись искать её. Но, едва завидев их, лань мгновенно скрывалась в нагорном лесу. Лес был густой, непроходимый, гора казалась недоступной для людей. Охотники возвращались в долину и говорили, что на свете не найдётся человека, который мог бы выследить и догнать эту лань.

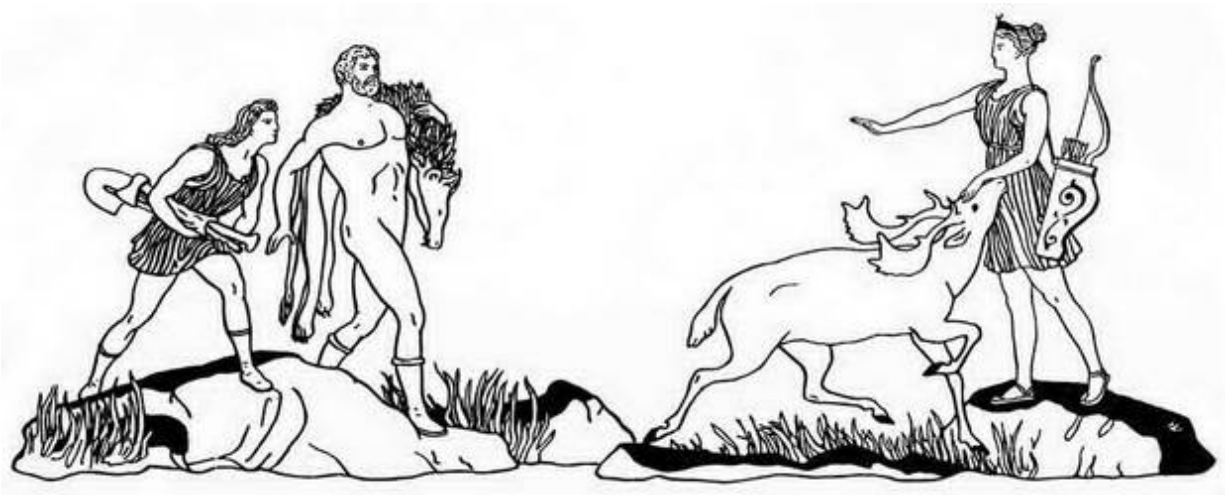
В третий раз позвал Еврисфей Геракла и велел ему поймать Керинейскую лань и живую привести в Микены.

Геракл с другом своим Иолаем отправился в Аркадские горы. Он оставил дома свой лук и ядовитые стрелы, а вместо оружия взял с собой топор, лопату и нож.

Они прорубали просеки в густом лесу, пробивали ступени на каменистых кручах, протаптывали тропинки в высокой траве. Спилив деревья, герои перекидывали их мостом через ручьи и горные реки и связывали ветвями и крепкой корой. По этим висячим мостам они переходили пропасти, по ступеням и тропинкам поднимались всё выше в горы. Иногда лань на мгновение появлялась перед ними; блестя золотыми рогами и словно маня их за собой, она уходила всё дальше. Геракл с Иолаем терпеливо шли по её следам. Они переваливали через горные вершины, покрытые снегом, спускались в ущелья, переходили вброд ручьи и реки. Снежные лавины, скользя по кручам, осыпали их ледяной пылью, над ними проносились с грохотом горные грозы. Они встречали солнечный восход на вершинах, ночевали в дуплах больших деревьев и в густом кустарнике, питались ягодами, орехами, сладкими кореньями, пили воду из горных ключей — и неустанно, час за часом, всё выше поднимались и одолевали неприступные горы.

Лань всё чаще показывалась перед ними, словно начинала привыкать к людям, — она останавливалась и глядела на них без боязни и убегала уже не так стремительно, как прежде. Теперь убить её было бы легко, но они должны были взять лань живой — таков был приказ царя.

Наконец им удалось загнать лань на вершину и обойти. На узкой тропинке над пропастью её подждал Иолай. Увидев его, лань повернулась, хотела бежать назад, но тут Геракл преградил ей путь. Она заметалась, не зная, куда бежать, и вдруг замерла на краю пропасти. В это мгновение Геракл накинул ей на рога сплетённую из ползучих растений верёвку и держал крепко, пока не подошёл Иолай. Вдвоём они повели пойманную лань по проторённым уже дорогам вниз с горы.

Внезапно на повороте тропинки, в лесу, перед ними явилась прекрасная женщина в короткой лёгкой одежде, с охотничьим луком в руках, с колчаном за плечами. Лицо её было гневно, глаза сверкали. Повелительным жестом она остановила охотников, а лань сейчас же подбежала к ней и стала тереться головой о её руки.

Молодая охотница погладила её и сказала:

— О жадные люди! Разве вам мало дорог и полей в широких долинах там, внизу? Зачем вы нарушили тишину моего горного леса? Никогда ещё не ступала здесь нога человека... Теперь вы показали сюда путь людям, и на моих заповедных высотах загремят топор и

лопата, а стрелы охотников распугают — моих зверей и птиц. Зачем вы сделали это?

Геракл узнал дочь Зевса — Артемиду-охотницу.

— Не гневайся на нас, богиня! — отвечал он ей. — Мы пришли сюда по воле твоего отца, великого Зевса, пославшего нас служить людям. Мы проложили дорогу на вершины, потому что земля вся должна стать достоянием человека. Но лишь смелые и сильные смогут подниматься сюда. Пусть отважные пойдут за нами на эти высоты. Здесь прекрасно, здесь вольно дышится, и отсюда далеко видно всё вокруг. Здесь воздух чист, и сам человек, поднявшись сюда, становится чище и лучше.

Взгляд богини смягчился. Она потрепала рукой красавицу лань и сказала ей:

— Ступай! Ты скоро вернёшься ко мне! — и скрылась между деревьями.

Геракл с Иолаем пошли дальше, ведя за собой пойманную лань.

Обратный путь их был быстрее и легче, потому что они шли по своим следам и зарубкам. Скоро они спустились к подножию горы. Геракл направился в Микены и привёл во дворец Еврисфея чудесную лань.

Но царь, боясь Артемиды, отдал лань Гераклу.

Геракл вспомнил слова прекрасной охотницы: «Ты вернёшься ко мне!» Чтобы исполнить желание богини, он вернул лань Артемиде.

Четвёртый подвиг

Геракл избавляет землю от Эриманфского вепря

И летом и осенью, когда на полях созревают овощи и хлеб, крестьяне, жившие у горы Эриманф, с тревогой осматривали по утрам свои поля и всякий раз то тут, то там находили следы страшного опустошения: земля была разрыта, посевы вытоптаны, вырваны с корнем и много плодов, нужных людям, без пользы были раздавлены чьей-то грубой силой.

Люди говорили, что в дубовой роще на горных склонах жил дикий вепрь, который по ночам спускался с горы и опустошал поля. Но так страшны были его клыки и копыта, что никто не отваживался пойти в лес и убить злого хищника.

Царь Еврисфей приказал Гераклу отправиться на охоту за Эриманфским вепрем.

Удивляясь, что до тех пор не нашлось в селении меткого стрелка, потому что убить кабана не такое уж трудное дело, герой пошёл один на Эриманфскую гору.

Взбираясь вверх по крутому склону, он услышал конский топот, и вдруг мимо него промчался в долину табун диких коней. Но, приглядевшись пристальнее, Геракл увидел, что это были не кони. Словно полчеловека срослось с половиной лошади — на конском крупе человеческое туловище с головой и руками. Издали казалось, что свирепые всадники мчатся на быстрых конях.

— Кентавры! — воскликнул Геракл.

Как буря, пронеслись кентавры мимо Геракла, ломая всё на своём пути, и помчались прямо в селение, расположенное под горой.

«Это страшнее дикого вепря!» — подумал Геракл и понял теперь, почему Еврисфей послал его сюда на охоту.

Но он не испугался и пошёл дальше. Скоро он увидел пещеру, перед которой стоял на страже молодой кентавр.

Геракл смело подошёл к нему и сказал дружелюбно:

— Я царский охотник. Царь приказал мне выследить и убить дикого вепря, который живёт здесь на горе. Не укажешь ли мне, как

найти его?

Кентавр отвечал охотно:

— Этот вепрь сильно досаждают и нам, обитателям этого леса. Из-за него я должен стеречь пещеру, чтобы он не опустошил наше жилище. Хорошо, если ты убьёшь его. Я укажу тебе след его. Но сначала будь моим гостем.

И он ввёл Геракла в пещеру, развёл огонь в очаге и стал угощать охотника мясом и плодами.

— Я привык пищу запивать вином, — сказал Геракл, — но у вас, наверно, нет вина.

— Как бы не так! — закричал хвастливо кентавр. — Сам Дионис, бог вина и веселья, подарил нам недавно целую бочку молодого вина. Так и быть, угощу тебя, но пусть об этом не знают мои товарищи.

И он открыл заветную бочку, зачерпнул вина себе и Гераклу, и они пили и веселились.

Вдруг у пещеры послышался стук копыт — запах вина привлёк кентавров, и они прискакали, томимые жаждой. Узнав, что кто-то чужой проник в их жилище и пьёт их вино, они рассвирепели и с дикими криками подступили к пещере.

Геракл из глубины пещеры стал бросать в них горящие головни из очага. Испугавшись огня, они убежали.

Геракл выбрался из пещеры и хотел уйти в лес. Но кентавры сторожили его и, увидев, что он один, ободрились и напали на него снова. Тогда он стал пускать в них стрелы, отравленные кровью Лернейской гидры, и один за другим они падали на землю мёртвые.

В это время вышел из пещеры молодой кентавр, угощавший Геракла, и с удивлением смотрел на трупы кентавров, лежавшие вокруг.

— Как! Этот маленький кусочек дерева поражает насмерть? — спросил он. — Эта тонкая палочка может убить? — И он вынул стрелу из тела одного из убитых.

— Осторожно! — крикнул Геракл.

Но было уже поздно: кентавр выронил стрелу из рук, и она вонзилась ему в ногу. Не охнув, не крикнув, он упал мёртвый.

Геракл перенёс тела убитых кентавров в пещеру, завалил её большим камнем, как гробницу, и пошёл дальше.

Без труда выследил он в лесу вепря, ранил его в ногу, связал и, взвалив себе на плечи, вернулся в Микены и явился во дворец Еврисфея.

Дикий вепрь ревел на весь дворец, и царь Еврисфей со страха залез в большой медный чан для воды, стоявший на дворе.

Геракл всё же разыскал его. Но едва царь увидел над краем чана страшную морду вепря, он замахал руками и закричал тонким голосом:

— Уходи, уходи скорее!

Геракл посмеялся, ушёл и приказал зарезать вепря и устроить угощение народу.

ПЯТЫЙ ПОДВИГ

Геракл разгоняет Стимфальских птиц

У бога войны Ареса была стая диких птиц. Когти и клювы у них были железные, а медные перья их, выпадая из тела, летели вниз со страшной силой и убивали, как стрелы. Птицы жили в горах, в глубине ущелья у Стимфальского озера. Воды из этого озера текли в подземную пещеру и посылали ручей в пучь земли, в царство мёртвых. Озеро было необитаемо, и его окружали голые скалы. Только на острове посреди озера рос высокий тростник, и в нём жили птицы бога войны. Они питались человеческим мясом и отсюда вылетали стаями на кровавую охоту.

Царь Еврисфей приказал Гераклу идти к Стимфальскому озеру и прогнать птиц Ареса далеко за море. Геракл позвал с собой Иолая, взял свой лук с ядовитыми стрелами и отправился в горы. Долго они блуждали по кручам, наконец пришли в ущелье, на дне которого лежало Стимфальское озеро.

Пустынно и дико было всё вокруг: голые камни, ни травы, ни цветка, ни дерева. Ветер не шевелил рябью гладкую поверхность озера, рыбка не выплывала из воды, ящерица не грелась на солнце между камнями. Мёртвая тишина стояла над озером. Геракл и Иолай сели на камни у самой воды и смотрели на неподвижное озеро. Тоска на них напала, усталость сковывала тело, стало трудно дышать.

— Со мной творится что-то неладное, — сказал Геракл другу, — трудно дышать, сердце замирает, и лук выпадает из моих рук...

Волшебный сон завладел ими.

Тогда с островка посреди озера со звоном одна за другой поднялись огромные красные птицы. Вереницей, друг за другом, они кружили над озером, над ущельем и скоро, как туча, закрыли всё небо, и багровая тень легла на воду.

Вдруг что-то упало около спящего Геракла, загремев о камни, и он проснулся.

Около него лежала простая деревянная трещотка, которой крестьяне прогоняют птиц из садов и огородов. Её послала герою

богиня Афина, мудрая наставница и помощница людей.

Геракл вскочил, разбудил Иолая, дал ему трещотку и велел трясти её. Она трещала и гремела над спящим озером, и горное эхо стократ умножало шум. Испуганные непривычными звуками, птицы бросались из стороны в сторону и разлетались в беспорядке, роняя перья. Геракл схватил лук и пускал в птиц стрелу за стрелой. Сражённые птицы падали в озеро, и тяжёлое оперение тянуло их на дно.

Укрывшись шкурой Немейского льва, которую не могли пробить никакие стрелы, Геракл с ожесточением поражал страшных Стимфальских птиц. Множество их утонуло в чёрных водах озера. Теперь оно уже не было спокойным: вода в нём клубилась и клокотала, белый пар поднимался к небу.

Оставшиеся в живых птицы поднялись высоко над озером, собрались стаяй и улетели прочь. Они покинули Грецию и опустились далеко-далеко, на пустынном острове в бурном море.

— Скорее прочь отсюда, — сказал Геракл, — пока нас не охватил смертный сон. — И, бросив в кипящую воду трещотку Афины, друзья ушли от мёртвого озера.

Шестой подвиг

Геракл очищает Авгиевы конюшни

Несказанно богат был царь Элиды Авгий. Бесчисленные стада его быков и овец и табуны коней паслись в плодородной долине реки Алфея. Триста коней с ногами белыми, как снег, было у него, двести — красных, как медь; двенадцать коней были все белые, как лебеди, а у одного из них блестела во лбу звезда.

Так много было у Авгия скота, что слуги не успевали чистить хлева и конюшни, и за много лет в них накопилось навоза до самых крыш.

Царь Еврисфей, желая удружить Авгию и унизить Геракла, послал героя чистить Авгиевы конюшни.

Геракл явился в Элиду и сказал Авгию:

— Если ты отдашь мне десятую часть своих коней, я очищу конюшни в один день.

Авгий засмеялся: он думал, что их вовсе нельзя очистить. Поэтому царь сказал Гераклу:

— Я отдам тебе десятую часть моих коней, если ты в один день очистишь мои конюшни.

Тогда Геракл потребовал, чтобы ему дали лопату, и Авгий, усмехаясь, велел принести её герою.

— Долго же тебе придётся работать этой лопатой! — сказал он.

— Один только день, — сказал Геракл и пошёл на берег Алфея.

Полдня он усердно работал лопатой. Земля взлетала из-под неё и ложилась высоким валом. Геракл запрудил русло реки и отвёл её прямо в царские конюшни. Воды Алфея стремительно потекли через них, унося с собой навоз, стойла, кормушки, даже ветхие стены.

Опершись на лопату, Геракл смотрел, как проворно работала река, и только иногда приходил ей на помощь. К заходу солнца конюшни были очищены.

— Не взыщи, царь, — сказал Геракл, — я очистил твои конюшни не только от навоза, но и от всего, что было ветхо и давно сгнило. Я сделал больше, чем обещал. Теперь ты отдай мне обещанное.

Но жадный Авгий заспорил, стал браниться и отказался отдать Гераклу коней. Тогда Геракл пришёл в ярость, вступил в бой с Авгием и убил его в поединке.

Седьмой подвиг

Геракл укрощает Критского быка

Шесть раз уже являлся Геракл в Микены и по приказанию царя Еврисфея отправлялся в опасный и трудный путь. Шесть славных дел совершил: убил Немейского льва, уничтожил Лернейскую гидру, поймал Керинейскую лань, доставил в Микены Эриманфского вепря, выгнал из Греции Стимфальских птиц и в один день очистил Авгиевы конюшни. И вот снова призвал героя Еврисфей и приказал ему плыть через море на остров Крит и укротить свирепого быка, с которым никто из критян не мог справиться.

Этот бык приплыл когда-то к острову Криту, и критский царь Минос обещал богу морей Посейдону принести быка ему в жертву. Но белоснежный бык с золотыми рогами так понравился Миносу, что царь оставил его себе, а Посейдону принёс в жертву другого быка. Бог моря разгневался и наслал бешенство на красавца быка. Бык взбесился, вырвался из стойла, убежал с царского двора и стал грозой всего острова.

Геракл отправился на берег моря, сел на финикийский корабль и поплыл на Крит. Налетела буря, долго носила корабль по бурному морю, наконец разбила его, и волны выбросили обломки на берег чужой, незнакомой страны.

Здесь росли деревья, похожие на пучки больших перьев: прямо из ствола выходили толстые стебли, на которых качались листья, такие большие, что под каждым мог укрыться человек.

Геракл и его уцелевшие спутники отдохнули в тени этих деревьев и пошли вдоль берега по горячему жёлтому песку. Долго шли они и наконец пришли в большой город у моря. В гавани было много кораблей, а на берегу стояли высокие каменные дворцы и храмы.

— Вы в Египте, — сказали им жители, спешившие в храм на праздник, — а правит Египтом великий Бузирис, могучий и грозный царь.

Геракл попросил отвести их к царю. Но едва чужеземцы вошли во дворец, как были схвачены и закованы в цепи.

— Вы пришли вовремя, — сказал им жестокий властитель Египта, — нынче праздник в Египте, и я принесу вас в жертву богам.

— Боги не принимают человеческих жертв, — сказал Геракл.

Но Бузирис засмеялся и ответил:

— А вот мы проверим! Ты первый будешь заколот жрецом — посмотрим, угоден ли ты богам. — И приказал вести пленников в большой храм посреди города.

Геракла и его спутников привели в храм, полный народа. Но едва только зажгли огонь у жертвенника и старый жрец взял свой острый и длинный нож, Геракл со всей силой напряг свои мышцы и разорвал цепь, которой был связан. Обрывком цепи он ударил жреца и убил его. Потом в гневе расшвырял царскую стражу, отнял у Бузириса меч и заколот злого царя. Поражённые силой героя, египтяне не посмели его тронуть. Он освободил своих товарищей и поспешил с ними на берег моря. Там они нашли корабль, который мог доставить их на Крит.

Быстро достигли они теперь берегов Крита. Геракл простился со своими спутниками и один пошёл по берегу. Скоро он увидел бешеного быка. Гремя оборванной цепью и свирепо рыча, с налитыми кровью глазами, мчался на него бык. Белая пена падала клочьями из раскрытой пасти. Геракл спрятался за дерево и ждал. Бык остановился,

нагнул голову и стал рыть ногами землю. Тогда Геракл схватил конец цепи, волочившийся по земле, и вскочил быку на спину. Бык задрожал, стал брыкаться, стараясь сбросить со спины неожиданную ношу. Но Геракл обвил его рога цепью и крепко держал её. Бык жалобно заревел и понёсся к морю. Он бросился в волны и поплыл. В море бешенство покинуло его, он стал смирен, как рабочий вол на поле, и послушно приплыл с Гераклом в Микены.

Геракл сам отвёл его на скотный двор царя Еврисфея. Но пастухи боялись свирепого быка и не могли удержать его в хлеву. Он убежал от них и стал гулять по всему Пелопоннесу, никому не даваясь в руки, пока его не поймал друг Геракла, Тезей, и не принёс в жертву богам.

Восьмой подвиг

Геракл добывает коней Диомеда

Вновь велел Еврисфей Гераклу отправиться в дальний путь — добыть коней фракийского царя Диомеда.

В первый раз за время своей службы царю Геракл смутился. Он не испугался ни льва, ни гидры, ни долгих скитаний, ни тяжёлой работы, ни кровавой битвы, ни людского коварства. Но дело, на которое теперь посылал его царь, казалось ему недостойным героя. Добыть у другого то, что ему принадлежит по праву, — значило отнять силой или похитить украдкой, а Геракл не хотел быть ни разбойником, ни вором.

С тяжёлым сердцем отправился он в дорогу, решив, что путь до Фракии долгий и он успеет обдумать, как ему быть.

Он пришёл в Фессалию, в город Феры, где царствовал счастливый и добрый царь Адмет, любимец бога Аполлона.

Бог света когда-то в гневе совершил убийство, и за это Зевс приказал ему целый год служить человеку.

Аполлон явился к царю Адмету и целый год пас его стада. И счастье пришло к Адмету: щедрый урожай давала ему земля, стада его умножались без числа, мир и довольство царили в Ферах и во дворце царя.

Но лучше богатства и дороже благополучия была молодая царица Алкеста, которую Аполлон помог Адмету добыть себе в жёны.

Отец её, Пелий, объявил, что выдаст дочь лишь за того, кто сумеет впрячь в колесницу льва и медведя вместе и на них приехать за невестой. Аполлон укротил диких зверей, они послушно впряглись в колесницу Адмета и отвезли его к отцу Алкесты. Алкеста стала женой Адмета; они жили счастливо и имели детей.

Когда окончился срок службы Аполлона Адмету, бог света, уходя, захотел сделать ещё что-то доброе для царя. По желанию Аполлона, Мойры, богини судьбы, которые держали в руках нить каждой человеческой жизни, согласились отсрочить Адмету смерть, если в час кончины найдётся человек, который захочет его заменить.

И вот пришёл час, когда повелитель царства мёртвых послал Смерть за Адметом, и Мойры спросили:

— Кто хочет заменить собой Адмета и вместо него умереть?

Ни друзья, ни верные слуги, ни даже старые родители царя — никто не хотел расстаться со своей жизнью и умереть за другого. Тогда прекрасная Алкеста сказала мужу:

— Мой милый, я с радостью пойду за тебя на смерть. Всё равно без тебя мне не жить на свете. Пусть умру я, живи ты. Только об одном прошу тебя: не вводи в наш дом другой женщины. Обещай мне это, и я умру спокойно.

Адмет обещал никогда не вводить в дом другой жены.

Алкеста надела чистые одежды, легла на постель и стала ждать Смерть, которая должна была прилететь за нею. Молча стояли вокруг неё дети, муж и все близкие и печально смотрели на неё в последний раз. И вот чёрная тень упала на лицо царицы, глаза её закрылись, замерло дыхание.

Плач и стоны наполнили дворец и город. Жители Фер в знак печали остригли коротко свои волосы и гривы своих коней. За городом построили пышную гробницу и назначили день похорон.

Как раз в это время Геракл, ничего не зная, пришёл во дворец Адмета и, как путник, попросился переночевать. Адмет, хоть был опечален смертью жены, не мог отказать Гераклу в гостеприимстве; ласково принял его, велел приготовить ему комнату во дворце и хорошо угостить героя, а сам отправился на похороны Алкесты.

Усталый Геракл с удовольствием отдыхал в прохладной и чистой комнате, а насытившись и выпив вина, развеселился, стал шуметь и досадовал, что нет у него собеседника за столом.

Старый слуга, который подавал ему кушанье, смотрел на него сурово и не мог скрыть свою печаль.

Геракла рассердил его мрачный вид.

— Что ты глядишь на меня так строго? — спросил он. — Твой господин меня принял как друга, а хороший слуга приветствует тех, кого ласково встречает хозяин. Подойди ко мне, выпей со мной, чтобы мне не было скучно пить одному. Выпей со мной и развеселись!

Но старый слуга с укором покачал головой и сказал:

— Нехорошо смеяться и пить, когда в доме горе.

— Горе? — спросил удивлённый Геракл. — Что же случилось в этом счастливом доме?

И услышал в ответ, что жена Адмета умерла и в этот час её хоронили.

Разгорелось сердце Геракла, и он решился на небывалое дело.

Быстро накинул он на плечи свой плащ и поспешил на могилу царицы. Он остановился поодаль и ждал.

Когда родные, друзья и сограждане бедной Алкесты разошлись в печали, Геракл подошёл к могиле и укрылся за деревом у входа. И едва только Смерть явилась на могилу, чтобы унести в подземное царство бледную тень умершей, Геракл выступил из засады и бросился в бой со Смертью. С такой силой напал он на неё, что Смерть смутилась и выронила свой меч на землю. Геракл схватил Смерть за плечи своими могучими руками и не отпускал её до тех пор, пока она не согласилась отдать ему Алкесту.

Одинокó сидел Адмет в своём опустевшем доме. Вдруг шумно и весело вошёл Геракл, ведя за собой женщину под длинным покрывалом.

— Полно, Адмет, — сказал Геракл царю, — зачем тебе печалиться? Утешься! Посмотри, я привёл к тебе эту женщину. Я добыл её для тебя в поединке. Она утешит тебя. Развеселись же и будь счастлив, как прежде!

Адмет ответил Гераклу:

— Я обещал моей любимой, что никогда не возьму себе другую жену. Уведи эту женщину из моего дома: я не хочу смотреть на неё.

Тогда Геракл снял с женщины покрывало, и Адмет увидел Алкесту. Он бросился к ней и остановился в страшном испуге: ведь она умерла, он сам похоронил её!

— Не бойся, — успокоил его Геракл, — она живая, Смерть отдала мне её, и я возвращаю тебе твою подругу. Живите и будьте счастливы долгие годы!

Радостно бросились друг другу в объятия царь и царица.

Чудесная весть мгновенно разнеслась по дворцу и по всему городу.

Веселье сменило печаль, жители Фер покрыли свои стриженные головы, пышно разукрасили своих коней и устроили весёлый пир.

А Геракл уже шагал дальше, довольный, что ему удалось принести радость людям.

Дойдя до моря, он сел на корабль и поплыл во Фракию. Моряки, которые скитаются по всему свету и знают больше других людей, рассказали Гераклу всё, что знали про фракийского царя Диомеда и его коней.

Этот царь был свиреп и жесток и не любил чужеземцев. Он выстроил у моря крепость с высокими каменными стенами и глубоким рвом вокруг и жил там, окружённый своими воинами.

Когда незнакомый корабль показывался у берега, Диомед посылал своих слуг звать приезжих в гости. Он угощал их у себя во дворце и хвалился перед ними своими конями.

Четвёрка диких коней была у царя Диомеда. Никто не мог ни обуздать их, ни впрячь в колесницу. Железными цепями они были прикованы к стойлам. Огонь и дым вылетали у них из пасти. Питались они не травой, не зерном, а свежим человеческим мясом. Но этого не

говорил Диомед гостям. Когда же гости выражали желание посмотреть на чудесных коней, царь отводил чужеземцев в конюшню и отдавал на съедение своим любимцам.

Вот что рассказали моряки Гераклу.

Теперь рассеялись все сомнения Геракла: избавить мир от страшных чудовищ-коней и от жестокого царя Диомеда было делом, достойным героя.

Подплывая к Фракийской земле, Геракл собрал самых смелых из моряков и, сойдя на берег, потребовал у царя Диомеда его коней. Царь выслал против Геракла войско, но Геракл с товарищами разбил его, убил Диомеда и отдал тело злого царя на растерзание его коням-людоедам.

Потом он погрузил коней на корабль и отвёз к царю Еврисфею. Еврисфей приказал отвести коней в Аркадию, в Ликейские горы, и выпустить в лесу. Там их растерзали дикие звери.

Девятый подвиг

Геракл завоёвывает пояс Ипполиты

У царя Еврисфея была юная дочь Адмета. Однажды она пришла к отцу и сказала:

— Говорят, далеко на востоке есть царство, где властвуют женщины. Там женщина — глава и опора семьи и госпожа в доме. Женщины там управляют городами, торгуют и судят, приносят в храмах жертвы богам и решают дела государства. Вооружённые, скачут они на боевых конях и храбро воюют с врагами. Они называют себя амазонками, презирают мужчин и хвалятся своей непобедимостью. Моя покровительница Гера, супруга великого Зевса, открыла мне, что вся сила воинственных амазонок в кожаном поясе, который бог войны Арес подарил царице Ипполите. Пока она носит этот пояс, никто не может победить её, а с нею и всех амазонок. Отец! Я хочу быть непобедимой, как эта женщина, и царствовать, ни с кем не разделяя власти. Я хочу получить пояс Ипполиты!

Царь приказал Гераклу отправиться в страну амазонок и добыть пояс царицы Ипполиты.

Царство амазонок было далеко на востоке, в Малой Азии.

Геракл снарядил корабль, позвал с собой своих верных друзей — Иолая, афинского царевича Тезея и других. Они поплыли тем путём, который был открыт для всех мореплавателей отважными аргонавтами. Долго плыли они; наконец по бурному Чёрному морю приплыли к реке Фермодонту, поднялись по течению и достигли города Фемискиры — столицы амазонок.

У ворот стояли вооружённые женщины; кожаные шлемы были на них, короткие рубашки и узкие, длинные штаны до щиколоток; через плечо у амазонок висели щиты в форме месяца, а в руках они держали топоры с двумя лезвиями.

Стража непустила Геракла с товарищами в город, и они вынуждены были расположиться на берегу реки, протекавшей близ городской стены.

Вскоре прискакала на великолепном коне сама царица Ипполита с отрядом вооружённых девушек. Среди них была красавица Антиопа, любимая подруга царицы.

Её красота однажды едва не погубила амазонок. Давно задумывали амазонки поход в Грецию и вот, переплыв море, явились под стенами Афин и осадили прекрасный город. Афиняне не были готовы к осаде. Ещё немного, и город был бы в руках воинственных женщин. Но среди афинских воинов Антиопа увидела царевича Тезея, и в сердце её вспыхнула любовь к нему. Тезею тоже приглянулась красавица амазонка; с её помощью он надеялся спасти родной город. Ночью он явился тайком в лагерь амазонок — увидеться с Антиопой.

Ипполита догадалась о любви своей подруги и, боясь измены, приказала немедленно снять осаду. Амазонки отступили от Афин и вернулись в свою страну. Антиопа была разлучена с Тезеем. Но она не забыла его и теперь, увидев среди товарищей Геракла Тезея, обрадовалась, и любовь её разгорелась ещё сильнее.

Тезей тоже узнал её, незаметно приблизился к ней и условился о тайном свидании.

Ипполита спросила Геракла, зачем он явился в страну амазонок.

Геракл ответил, что ему приказано добыть пояс царицы Ипполиты.

— Только в бою, только победителю отдам я свой пояс, — сказала царица. — Бейтесь с нами, и, если вы победите, пояс будет ваш!

Так говорила Ипполита, зная, что, пока пояс на ней, никто не сможет её победить.

Оба отряда разошлись — готовиться к бою. Амазонки умчались в город, а спутники Геракла расположились на ночлег в своём лагере у реки.

Тезея всю ночь не было в лагере. Утром он явился торжествующий и отдал Гераклу волшебный пояс.

— Как! Ты добыл его без боя? — удивился Геракл.

— Антиопа похитила его у царицы и отдала мне, — сказал Тезей.

Геракл не захотел воспользоваться добычей, полученной обманом, и бой начался.

На диком коне, быстром, как ветер, помчалась на Геракла Аэла, самая стремительная из амазонок. Геракл на всём скаку выбил из её рук топор. Она хотела спастись бегством, и конь помчал её прочь, но

стрела Геракла догнала её и поразила насмерть. И другая амазонка, Протоя, семь раз победительница в поединках, была убита Гераклом.

Тогда вышли вперёд три девушки, три великолепные охотницы, которых сама богиня Артемида брала с собой на охоту, — не было им равных в метании копья. Сразу все вместе стремительно метнули они свои копья, но промахнулись. А копьё Геракла, просвистев, перебило руки всем трём.

Страх напал на амазонок при виде поражения их лучших воительниц.

— Горе нам! Горе нам! Где же твой пояс, Ипполита? — кричали они.

Тоска сжала сердце Антиопы, предавшей своих подруг, но в толпе эллинов она увидела Тезея, и любовь победила в ней все другие чувства.

Грозная с виду, с отчаянием в душе, выехала вперёд Ипполита. Только она и Антиопа знали о том, что волшебный пояс — в руках врага. Воинственная царица не хотела выдать подругу свирепым амазонкам и решила лучше умереть в бою.

Отважно бросалась она в самые опасные места битвы, сама искала смерти и вдруг упала, смертельно раненная стрелой.

Увидев гибель своей царицы, амазонки смутились и обратились в бегство. Многие из них были взяты в плен, другие убиты.

Пленницу Антиопу Геракл отдал Тезею, и Тезей сделал её своей женой.

Геракл вернулся в Микены, к царю Еврисфею, и принёс ему пояс Ипполиты. Царь подарил его своей дочери, но она не решилась носить его и отдала в храм Геры как дар богине.

Десятый подвиг

Геракл открывает дорогу к океану и пригоняет стадо Гериона

Всё дальше и дальше посылал Еврисфей Геракла. Когда герой возвратился из похода в страну амазонок, царь велел ему отправиться на край света, туда, где заходит солнце, на Багровый остров посреди океана, где трёхголовый великан Герион пас стадо красных быков. Царь приказал Гераклу пригнать этих быков в Микены. Геракл отправился на закат солнца.

Он прошёл всю Грецию, долго шёл по разным странам, отдыхал у реки Эридана, наконец подошёл к высоким горам на краю земли и стал искать выхода к океану. Но горы стояли сплошной, непроходимой грядой. Тогда Геракл расшатал две огромные скалы и раздвинул их. Между ними хлынула вода, и это была вода океана. Море, которое лежало посреди земли и которое люди называют Средиземным, соединилось с океаном. И до сих пор стоят там на берегах пролива, как два каменных стража, огромные Геракловы Столпы.

Геракл перешёл через горы и увидел необозримые воды океана, омывающего землю. Там где-то посреди океана лежал остров — цель его путешествия. Но как переплыть океан?

Целый день просидел Геракл на берегу в раздумье. Жар стал спадать, и ветер с океана принёс на землю прохладу. Вдруг увидел Геракл совсем близко спускающуюся с неба огненную колесницу Гелиоса — бога Солнца. Геракл вскочил и ждал приближения Гелиоса. Золотым блеском засверкала поверхность океана, и у самого берега Геракл увидел золотую, крупную, как чаша, лодку, в которой бог Солнца, оставив свою колесницу, каждый день переплывал океан. Тогда Геракл подумал, что Гелиос может перевезти его в своей лодке на Багровый остров. Герой махнул рукой и закричал Гелиосу:

— Стой, или я буду стрелять!

И, натянув тетиву своего лука, ждал. Но Гелиос не обернулся.

Тогда Геракл рассердился и крикнул опять:

— Я не шучу, и стрелы мои смертельны!

Гелиос улыбнулся, остановил коней и, сойдя с колесницы, спросил:

— Кто ты, дерзкий, и чего ты хочешь от меня?

Геракл рассказал ему, кто он, куда и зачем послан и просил Гелиоса перевезти его на Багровый остров.

Усмехаясь, Гелиос взял героя в свою золотую лодку. Они поплыли по океану. Ночная темнота покрыла землю. Каждый вечер переплывал Гелиос с запада на восток, чтобы, отдохнув в своём высоком доме на востоке, снова появиться утром на небе.

Когда они были уже на полпути, что-то зачернело впереди — это был желанный остров.

Золотая лодка приблизилась к берегу. Геракл вышел, и бог Солнца пожелал герою удачи.

Было темно, и Геракл ничего не мог различить вокруг себя. Довольный, что достиг цели, он лёг под скалой, завернулся в львиную шкуру и крепко уснул.

Утром его разбудил протяжный и хриплый лай. Геракл проснулся и увидел, что он действительно на Багровом острове: всё вокруг было красного цвета — скалы, песок, дорога. И даже громадный лохматый пёс, что стоял перед героем и свирепо лаял на него, был тоже багрово-красный.

Увидев, что Геракл проснулся, пёс бросился на него, вцепился зубами в его одежду. Геракл схватил свою дубинку, ударил пса, и тот, завизжав, покатился на землю с пробитой головой.

Тогда с опушки багрового леса, росшего невдалеке, прибежал огромный красный пастух: и волосы, и борода, и лицо, и одежда — всё у него было огненно-красное. Размахивая своей пастушьей палкой и крича непонятные слова, он набросился на Геракла.

Геракл быстро выбил палку из рук красного пастуха и так сильно ударил великана в грудь, что уложил и его рядом с убитым псом.

Геракл направился к лесу и увидел на опушке два стада: одно красное, как всё на острове, другое черное, как ночь, и сторожил его чёрный пастух в чёрной одежде, с чёрными волосами и чёрным лицом.

При виде Геракла чёрный пастух с криком убежал в лес. Потом из леса послышался страшный тройной рёв, и из-за деревьев показался великан Герион. Три туловища, сросшиеся вместе, шагали на шести ногах, три головы плядели грозно на Геракла, шесть рук угрожали ему.

Геракл поднял свой лук — стрела засвистела и вонзилась в грудь великану. Тотчас бессильно склонилась одна голова, две руки повисли, как плети, вдоль тела, две ноги перестали двигаться и потащились за другими, мешая им. Но великан был уже так близко, что Геракл не успел выстрелить вторично. Он поднял свою дубинку и ударил Гериона по второй голове. И эта сникла тоже, и ещё две руки опустились, и уже четыре ноги болтались снизу и мешали Гериону идти. Тогда Геракл отбросил дубинку прочь и схватился с великаном врукопашную. Могучими руками он обхватил его, и они стали бороться. Два мёртвых тела мешали великану, лишние руки болтались бессильно по бокам, лишние ноги толкались между ногами — и скоро пришёл Гериону конец.

Теперь Геракл мог увести красное стадо. Чёрный пастух убежал, красный пастух был убит, и сам великан валялся на земле огромной мёртвой глыбой. Но стадо не хотело слушаться героя, быки не двигались с места. Геракл стал искать вокруг, чем можно было бы их погнать, и нашёл возле убитого пастуха красную пастушью дудочку. Он приложил её к губам, дудочка запела, и красные быки послушно встали с земли и пошли за Гераклом. Окружённый красным стадом, стоял Геракл на берегу океана и ждал.

Вечером приплыла золотая круглая лодка, и Геракл стал просить Гелиоса перевезти его со стадом на землю.

— Что скажут люди, увидев, что Солнце возвращается назад? — сказал Гелиос.

Но смелый герой понравился богу Солнца, он уступил ему свою лодку, а сам остался ночевать на острове.

В золотой лодке Гелиоса Геракл довёз красное стадо до края земли и погнал его через горы, через чужие страны — в Грецию.

По дороге случилось с ними много приключений. У реки Тибра великан Как украл у него несколько быков. Гераклу пришлось с ним драться, и герой убил великана.

Потом один бык упал в море; волны отнесли его в Сицилию, и Гераклу надо было, оставив стадо на попечении Гефеста, плыть на остров и сражаться с царём Сицилии, который не хотел вернуть быка.

Наконец, уже недалеко от Аргоса, Гера, которая всячески старалась помешать Гераклу, напугала быков, и они разбежались. С трудом

собрал Геракл всех быков и привёл в Микены. А царь Еврисфей подарил всё красное стадо своей покровительнице Гере.

Одиннадцатый подвиг

Геракл доходит до края света и достаёт яблоки Гесперид

Давно-давно, когда на светлом Олимпе боги справляли свадьбу Зевса и Геры, Гея-Земля подарила невесте волшебное дерево, на котором росли золотые яблоки. Эти яблоки обладали свойством возвращать человеку молодость, и тот, кто сумел бы их достать, никогда не состарился бы.

Но никто из людей не знал, где находился сад, в котором росла чудесная яблоня.

Пока Геракл, по приказу царя, ходил по земле и сражался с чудовищами, Еврисфей в своём дворце старел и с каждым днём становился слабее и трусливее. Уже он начинал бояться, что Геракл, победив весь свет, перестанет его слушаться и сам захочет стать царём над всей Грецией. Еврисфей решил послать Геракла так далеко, чтобы он не вернулся назад. Царь приказал герою достать три золотых яблока с дерева молодости.

Геракл отправился по свету искать золотые яблоки. Он опять прошёл всю Грецию из конца в конец, побывал в холодной, северной стране гипербореев^[4] и пришёл к реке Эридану, где уже был однажды. Нимфы узнали его, пожалели и научили обратиться за советом к морскому царю Нерею, который видел всё, что скрыто от глаз людей.

Геракл пошёл к морю и стал звать морского царя. Волны хлынули на берег, и на резвых дельфинах всплыли наверх весёлые Нереиды, дочери морского царя, а за ними появился вдали старый Нерей с длинной седой бородой. Геракл заманил его на берег, обхватил своими могучими руками и сказал, что не выпустит его, пока он не откроет, где растёт волшебная яблоня Геры. Нерей вдруг превратился в большую рыбу, и она выскользнула из рук Геракла. Он быстро наступил ей на хвост — рыба зашипела и стала змеей. Герой схватил змею и хотел задушить — змея обернулась огнём. Геракл зачерпнул воды из моря и хотел залить огонь — огонь превратился в воду, вода потекла в море. Герой преградил ей путь и вырыл ямку своей дубинкой — вода поднялась из ямки и стала деревом. Геракл вытащил меч и

хотел срубить дерево — оно обернулось белой птицей. В гневе схватил Геракл свой лук и уже натянул тетиву. Тогда Нерей принял свой первоначальный вид и рассказал Гераклу, что дерево молодости растёт на краю света, в саду нимф Гесперид, дочерей титана Атланта, что сторожит его стоглазый дракон, а Геспериды следят, чтобы он не уснул ни днём, ни ночью, и что путь на край света лежит через Ливийскую пустыню. Геракл потребовал, чтобы Нерей перенёс его через море в Ливию, и пошёл искать край света.

Долго брёл он по сыпучим пескам пустыни и встретил великана ростом с корабельную мачту.

— Стой! — закричал великан. — Что тебе нужно в моей пустыне?

— Я иду на край света, ищу сад Гесперид, где растёт дерево молодости, — ответил Геракл.

— Здесь я хозяин, — сказал великан. — Я — Антей, сын Земли. Я никого не пропускаю через пустыню; ты должен бороться со мной. Если победишь меня — пойдёшь дальше. Если нет — останешься здесь. — И он показал на кучу черепов и костей, полусасыпанных песком.

Нечего делать, пришлось Гераклу бороться с сыном Земли.

Сначала они кружили один вокруг другого, как звери, потом разом напали друг на друга, сцепились руками и сжимали друг друга изо всех сил. Антей был громаден, тяжёл и крепок, как камень, но Геракл был сильнее — он повалил великана на землю. Антей сейчас же вскочил и набросился на Геракла. Снова боролись они, и во второй раз Геракл опрокинул Антея. И опять, коснувшись земли, Антей быстро встал и со смехом отражал удары Геракла. В третий раз свалил герой великана, и Антей вновь легко поднялся, словно от падения у него прибавлялось сил...

Геракл удивился силе великана. Вдруг он вспомнил, что Антей — сын Земли, и понял, что Земля-мать поддерживала своего сына и каждый раз, как он прикасался к ней, давала ему новую силу. Тогда Геракл стремительно напал на Антея, схватил его, поднял вверх и держал над землёй — и сразу потерявший силу Антей задохнулся в могучих руках героя.

Геракл без помех пошёл дальше.

Наконец дошёл он до края света, туда, где небо спускается к земле. Там, на самом краю, стоял титан Атлант и держал на своих плечах небесный свод. Он стоял так уже много лет, потому что владыка мира Зевс назначил его на эту работу и никто за всё время не сменил его.

— Кто ты и зачем пришёл на край света? — спросил Атлант Геракла.

— Мне нужны три золотых яблока с дерева молодости, что растёт в саду Гесперид, — отвечал Геракл.

— Тебе не достать этих яблок. Их сторожит стоглазый дракон, он не спит ни днём ни ночью и никого не подпускает к дереву, — сказал Атлант. — Но я могу помочь тебе: ведь Геспериды — мои дочери.

Геракл обрадовался и стал просить титана помочь ему.

— Стань на моё место, — сказал Атлант, — и поддержи небо, а я пойду в сад Гесперид и принесу тебе три золотых яблока.

Геракл положил на землю своё оружие и львиную шкуру, стал рядом с титаном и подставил плечи под небесный свод. Атлант расправил усталую спину и пошёл в сад Гесперид. И пока он ходил за яблоками, Геракл стоял на краю земли и держал на плечах небо. Наконец Атлант вернулся и принёс три золотых яблока.

Геракл стал благодарить его, но титан сказал:

— Кому надо отдать эти яблоки? Скажи, я пойду и отдам. Мне хочется погулять по земле. Надоело мне стоять не шевелясь здесь, на краю света, и держать это тяжёлое небо. Я рад, что нашёл себе смену. Прощай!

И он хотел уйти.

— Подожди, — сказал Геракл. — Дай я только подложу себе на плечи львиную шкуру, чтобы небесный свод не натёр мне шею. Положи яблоки на землю и возьми на минутку небо, пока я устроюсь поудобнее.

Атлант положил на землю золотые яблоки и опять взвалил небо себе на спину. Геракл поднял с земли свой лук и колчан, взял три золотых яблока, завернулся в львиную шкуру, поклонился Атланту и ушел.

Он шёл быстро и ни разу не оглянулся. Но звёзды падали дождём, и он догадался, что Атлант сердится и в гневе сильно трясёт небо.

Спрятав золотые яблоки на груди под плащом, Геракл спешил в Микены, радуясь, что выполнил и это требование царя.

— Вот я принёс тебе яблоки Гесперид — теперь ты можешь снова стать молодым! — сказал Геракл Еврисфею.

Но царь был так поражен, увидев перед собой Геракла целым и невредимым, что не взял у него золотых яблок и прогнал его с глаз своих.

Геракл отправился домой и по дороге думал, что ему делать с золотыми яблоками. Вдруг перед ним явилась богиня разума и мудрости Афина.

«Мудрость дороже молодости», — подумал Геракл и отдал Афине три золотых яблока.

А она вернула их в сад Гесперид на дерево Геры.

Двенадцатый подвиг

Геракл спускается в царство мёртвых и побеждает Кербера

Всю землю с восхода до заката обошёл Геракл, воевал и трудился, сражался с чудовищами и со злыми людьми, прокладывая дорогу на вершину гор, вместе с Солнцем переплывал океан, дошёл до края света — и вернулся победителем.

Тогда, отчаявшись, решил Еврисфей послать Геракла туда, откуда никто из смертных ещё ни разу не приходил назад, — в страну мёртвых, в подземное царство Аида.

У медных ворот Тартара — у входа в царство мёртвых — дремлет на страже страшный трёхголовый пёс Кербер. У него на шее вместо шерсти выются чёрные змеи, хвост у него — живой дракон, а из разинутых пастей высовываются три языка — пламени. Когда открываются ворота и в царство смерти входит бледная тень человека, Кербер приветливо машет хвостом и в свирепом веселье старается лизнуть пришельца своими огненными языками. Но горе тому, кто захочет вернуться!..

В последний раз позвал к себе Геракла царь Еврисфей и сказал ему:

— Приведи ко мне Кербера из царства Аида, и это будет твоя последняя служба мне!

Геракл ничего не ответил и отправился в путь.

Он отыскал пещеру Тенара, откуда по руслу подземной реки надо было спускаться в глубину земли.

Страшно живому по своей воле уходить в царство смерти!

Геракл остановился у входа в пещеру, посмотрел на цветущую землю, на синее море, на весь тёплый, солнечный мир, и тоскливо и страшно ему стало. Но он пересилил тоску и страх и отважно шагнул в темноту. И сразу услышал за собой лёгкие шаги. Это догонял его Гермес, крылатый вестник Зевса, которого владыка мира послал проводить Геракла к Аиду. Гермес взял героя за руку, и вдвоём они стали спускаться в подземное царство.

Скоро в сумраке забелела высокая скала: под нею еле слышно, сонно струилась тихая река, заросшая высокой травой без цвета и запаха.

Геракл нагнулся к реке и хотел напиться.

— Не пей, — остановил его Гермес, — это Лета, река Забвения. Кто напьётся воды из неё, позабудет всё на свете.

Дальше пошли они, и Геракл увидел своего старого учителя и своего юного, друга, умершего в походе. Геракл радостно бросился к ним, протягивая им руки, но они глядели на него неживыми глазами, не узнавая, словно не видя его, и, как тени, скользили мимо.

— Они не узнают тебя, — сказал Гермес. — Они пили из реки Забвения и всё позабыли.

Но одна из теней вдруг, остановилась, приблизилась. Геракл узнал калидонского царя Мелеагра.

— Геракл, — сказала тихо тень царя, — помоги мне. На земле я оставил сестру Деяниру, юную и беззащитную. Мысль о ней тревожит меня и здесь. Прошу тебя: возьми её к себе в дом, женись на ней, — она будет тебе верной женой. А я успокоюсь навеки.

И Геракл обещал исполнить просьбу друга.

Всё ниже спускались они в глубину земли и вдруг увидели человека, тащившего на крутизну подземной горы огромный, тяжёлый камень. Весь в поту и пыли, напрягая все силы, обеими руками усердно катил он наверх камень, подпирая его всем своим телом. Один только шаг оставался ему до вершины горы, но камень внезапно вырвался из ослабевших рук и с грохотом покатился вниз. Человек поспешно спустился за ним к подножию горы и опять потащил свою тяжёлую ношу. И снова, не достигнув вершины, сорвался и упал с высоты камень, и снова спустился вниз и без отдыха, без остановки потащил его наверх человек.

Остановился Геракл и смотрел на этот тяжкий и бесплодный труд.

Это был Сизиф из Коринфа, осуждённый вечно таскать этот тяжёлый камень — за жадность, за то, что при жизни присваивал себе чужие богатства, за то, что прожил на земле не трудясь.

Дальше пошёл Геракл со своим спутником Гермесом и увидел человека, стоявшего в прозрачной и чистой реке. Вода доходила ему до плеч, но едва он наклонился, чтобы утолить жажду, смочить пересохшие, чёрные губы, мгновенно спадала вода, пропадала, уходила вся в землю. С берега склонялись к человеку ветви, полные спелых плодов, янтарная кисть винограда почти касалась его лица. Но едва он протягивал руку сорвать румяное яблоко или сочный гранат, ветви уходили от него, поднимались высоко-высоко, и голодный не мог дотянуться до них.

Геракл узнал человека, наказанного так жестоко.

Это был Тантал, царь Сипила, когда-то любимец богов и счастливейший из смертных, навеки осуждённый владыкой мира Зевсом за обман богов, за вероломство, за непомерную, неукротимую зависть.

С тяжёлым сердцем Геракл проходил мимо страшных видений подземного царства. Наконец он пришёл на берег подземной реки Ахеронта. У берега ожидала чёрная лодка. Мрачный и безмолвный перевозчик Харон стоял с веслом в руке на корме, и тени умерших робко протягивали ему монету, которую заботливые родные положили покойнику в рот при погребении.

Старый Харон удивился, увидев живого в царстве мёртвых, но Гермес приказал ему пропустить Геракла в лодку. Лодка поплыла

поперёк чёрной, неподвижной реки. Тени умерших с отчаянием глядели назад, словно хотели в последний раз увидеть то, что они оставили на земле. Лодка плыла через Ахеронт, и скоро стал приближаться пустынный берег. Геракл с Гермесом первые вышли на берег и двинулись вместе с толпой к медным воротам Аидова царства. Широко растворены были тяжёлые ворота, и возле них Геракл увидел Кербера. Пёс лениво помахал своим страшным хвостом и отошёл, пропуская героя.

— Он ещё не знает, зачем ты пришёл сюда, — сказал Гераклу спутник, — а то бы он встретил тебя по-другому.

С жалобным стоном тени умерших вошли в широкие ворота и направились ко дворцу подземного царя.

Там, в обширном и мрачном зале, перед тронном Аида сидели строгие и неподкупные судьи мёртвого царства: Радамант, Эак и Минос. Они судили каждого за его жизнь, за его земные дела и каждому назначали по заслугам наказание или награду.

Увидев живого человека во дворце повелителя мёртвых, удивились и судьи и слуги Аида. А Геракл спокойно стоял перед тронном подземного царя, с львиной шкурой на плечах, держа в руках свою дубинку, и просил Аида позволить ему вывести на свет Кербера, чтобы показать его царю Еврисфею.

— Я позволю тебе, — сказал ему Аид, — взять на время с собой на землю моего пса, если он выпустит тебя отсюда и если ты сумеешь взять его, не ранив, без меча и без стрел, одними своими руками.

Геракл поблагодарил Аида и пошёл назад к медным воротам. Теперь они были закрыты, и Кербер спал перед ними, положив все три головы на чёрную дорогу.

Услышав шаги Геракла, он проснулся, вскочил, сердито зарычал, и дракон на конце хвоста грозно разинул пасть.

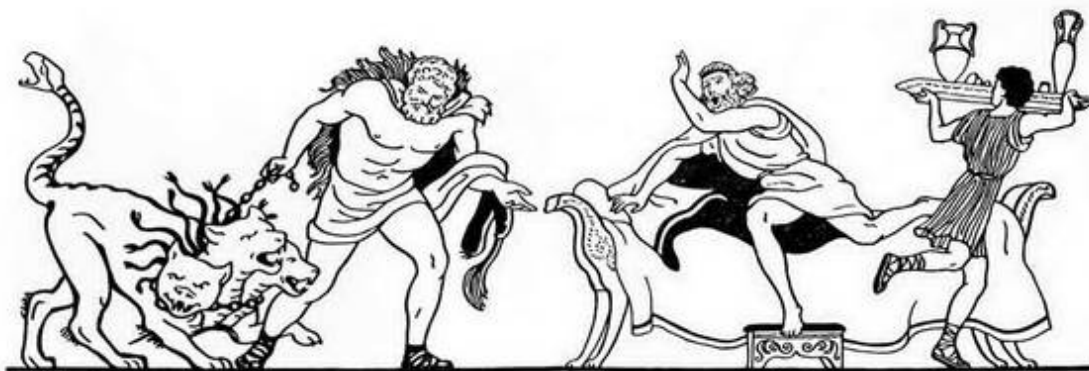
Геракл быстро приблизился к Керберу и, выставив вперёд левую руку, обёрнутую львиной шкурой, правой рукой схватил пса за шею. Пёс завыл; дикий вой его разнёсся по всему подземному царству. Он вцепился зубами всех трёх голов в левую руку героя, лизал её огненными языками, все змеи на его спине впились в львиную шкуру, но она была неуязвима, и Геракл не чувствовал боли. Крепко сжимал он шею пса и волок его за собою, на берег реки, к перевозу. Наконец полузадушенный Кербер зашатался, ослабел и лёг перед Гераклом.

Герой набросил ему цепь на шею и потащил за собой, и страшный пёс подземного царства послушно поплёлся за победителем.

Харон ужаснулся, увидев Геракла с Кербером, но не посмел удержать их и перевёз на другую сторону.

Когда они приблизились к выходу на землю, Кербер стал жалобно визжать и почти полз за Гераклом. А когда вышли они из мрака на земной вольный простор, солнечный свет ослепил подземного сторожа; он задрожал, забился, жёлтая пена закапала из его пасть, и всюду, где она падала на землю, выростала ядовитая трава.

Геракл привёл Кербера в Микены и заставил Еврисфея взглянуть на него. Но Еврисфей закрыл лицо руками и в ужасе стал просить Геракла поскорее увести страшного пса обратно.

— Ну, беги, возвращайся назад и жди царя у ворот, — сказал Геракл и снял с Кербера цепь.

И пёс в одно мгновение умчался в царство мёртвых.

Так окончилась служба Геракла Еврисфею, и царь отпустил героя.

Геракл в плену

Окончив свою службу у царя Еврисфея, совершив двенадцать подвигов, Геракл вернулся домой. Здесь его ждали новые испытания.

Прямодушный и добрый, Геракл часто бывал нетерпелив, вспыльчив и в припадке гнева не помнил себя.

Однажды мальчик-слуга подал ему напиток воды, приготовленной для умывания. Геракл рассердился, ударил его и убил нечаянно. Тогда, чтобы научить героя терпению, Зевс наслал на него долгую, мучительную болезнь. Отважный герой, не боявшийся ни диких зверей, ни чудовищ, ни вражеского войска, не мог терпеливо переносить боль. Он не выдержал, обратился к Аполлону и потребовал, чтобы бог света, которому известно будущее людей, сказал ему, когда прекратится болезнь и придёт избавление. Аполлон не захотел открыть герою эту тайну. Геракл пришёл в ярость и поднял руку на бога света. Громовержец разгневался, послал тучу разнять дерущихся и приказал Гермесу наказать непокорного героя.

Лукавый бог торговли продал Геракла лидийской царице Омфале за три медные монеты на три года в рабство.

Весёлая царица Омфала не посылала Геракла в дальние походы и не требовала от него героических дел и побед. Она отняла у героя оружие — его меч и лук со стрелами, сняла с плеч его львиную шкуру, нарядила Геракла в женское платье и забавлялась, заставляя его, как служанку, прислуживать ей.

Она сажала его за прялку вместе с женщинами и развлекалась, слушая, как сказки, его рассказы о далёких странствиях, трудных походах и грозных битвах.

Этот плен у Омфалы был для героя труднее самых хитроумных поручений Еврисфея. И часто Геракл так тосковал и томился, что, наскучив его мрачным видом, царица отдавала ему лук и стрелы и отпускала погулять по окрестностям.

Однажды, уйдя от Омфалы, Геракл зашёл далеко, в соседнюю с Лидией страну, усталый лёг под дерево и уснул. Сквозь сон он почувствовал какую-то возню вокруг себя, словно маленькие зверьки бегали по его телу. Он проснулся, протянул руку, поймал одного. Это был не зверёк, а смешной карлик — кекроп.

Много их возилось около героя на земле — им понравился лук Геракла, и они собирались утащить его. Геракл стал ловить их, связывая за руки, за ноги, потом нанизал на длинную палку и понёс в Лидию.

Кекропы не испугались: они прыгали на палке, стараясь освободиться, громко пищали и так грозили Гераклу и бранили его, что он смеялся всю дорогу.

Глядя на этот маленький смелый народец, Геракл развеселился.

Дойдя до границы их царства, он развязал своих крошечных пленников и отпустил на волю, а сам вернулся к Омфале и стал требовать и себе свободы. И Омфала наконец отпустила его.

Геракл освобождает Прометея

Много ещё подвигов совершил Геракл, и имя его прославилось по всей Греции.

Когда Язон построил быстроходный корабль «Арго» и созвал героев Греции, чтобы плыть за три моря, в Колхиду, добывать золотое руно, могучий Геракл отправился в поход вместе с отважными аргонавтами.

Но по дороге, на одной из стоянок «Арго» у берега неведомой земли, Геракл ушёл далеко в прибрежный лес, не вернулся вовремя на корабль, и аргонавты отплыли без него. А Геракл сухим путём отправился влуть страны и скоро пришёл в горы.

Дикий и величественный край открылся перед ним. Грядую встали высокие горы, у подножия поросшие частым лесом, а на вершинах покрытые вечными снегами. Чем выше поднимался герой, тем суровее и неприступнее были горы; Наконец он взобрался на голую скалу, обрывавшуюся над морем.

Вдруг Геракл услышал голос, зовущий его, и увидел прикованного к скале титана.

Геракл узнал Прометея — сына Фемиды, богини справедливости, и титана Иапета, от которого начался на земле род людской.

Когда-то, в давние-давние времена, людей было мало на земле. Как звери, бродили, они по лесам, гоняясь за добычей, ели сырое мясо, дикие плоды и коренья, покрывались звериными шкурами и от непогоды прятались в пещерах и дуплах деревьев. Разум у них был, как у малых детей; они были беспомощны в устройстве своей жизни и беззащитны против хищных зверей и грозных сил природы.

Прометей сжалился над людьми и захотел помочь им.

Он отправился к своему другу Гефесту, сыну Зевса, божественному кузнецу и мастеру. На острове Лемнос, в глубине огнедышащей горы, была мастерская Гефеста. Жарко горел в огромном горне священный огонь, без которого невозможно никакое искусство и мастерство. Три одноглазых великана — Киклопа — работали в мастерской Гефеста. Две статуи, которые он сам отлил из золота, двигались, как живые, по мастерской, и хромой бог-кузнец опирался на них при ходьбе.

Прометей застал Гефеста за работой — бог-кузнёц ковал огненные стрелы-молнии для Зевса Громовержца. Прометей стоял и смотрел на искусную работу Гефеста. Когда же Киклопы стали мехами раздувать огонь в горне и сверкающие искры разлетелись по всей мастерской, Прометей поймал священную искорку и спрятал в пустой тростинке, которую держал в руке. Эту тростинку с искрой священного огня Прометей принёс людям, и люди зажгли от неё повсюду на земле костры, очаги и горны. Люди научились бороться с природой, добывать и обрабатывать скрытые в недрах земли медь и железо, золото и серебро и делать себе из них домашние вещи, оружие и украшения. Люди стали строить себе жилища из дерева и камня и корабли, окрылённые парусами, чтобы плавать по рекам и морям. Люди приручили диких животных и заставили коня носить на себе человека, а козу и корову — кормить его, и от овцы стали брать тёплую и прочную шерсть для одежды. Свет от священного огня прояснил мысли людей, пробудил их дремлющий ум, зажёл в их сердцах стремление к счастью.

И многому ещё научил Прометей людей с помощью священного огня. Он научил их варить целебный сок растений, который помогает при болезнях и ранах, и люди избавились от постоянного страха смерти. Прометей открыл им науку чисел и научил записывать знаками слова, чтоб передавать свои мысли тем, кто живёт далеко.

С гордостью смотрел Прометей, как люди становились сильнее, разумнее и искуснее во всяком труде.

Но владыка мира Зевс разгневался на Прометея и решил сурово покарать похитителя священного огня. Царь богов послал своих слуг Силу и Власть схватить Прометея и отвести его на край света, в пустынную горную страну, а Гефесту приказал приковать титана к горе. Горько было Гефесту выполнять это — ведь Прометей был ему другом, но такова была воля Зевса. В железные кольца заковал Гефест руки и ноги Прометея, неразрывной цепью приковал его к каменной громаде, острым алмазным клином пробил ему грудь, пригвоздив его к скале.

И повелел Зевс, чтобы навсегда, на веки веков, остался Прометей, прикованным к этой скале.

Прошли века. Много изменилось на земле. Но не прекращались муки Прометея. Солнце жгло его иссохшее тело, ледяной ветер осыпал

его колючим снегом. Каждый день в назначенный час прилетал огромный орёл, разрывал когтями тело титана и клевал его печень. А ночью раны заживали вновь.

Но не даром он носил имя «Прометей», что значит «предвидящий»: он знал, что настанет время, и среди людей на земле явится великий герой, который совершит много подвигов, чтобы очистить землю от зла, и придёт освободить его.

И вот наконец Прометей услышал шаги идущего по горам человека и увидел героя, которого ждал всё время.

Геракл приблизился к скованному Прометею и уже поднял меч, чтобы сбить оковы с титана, но высоко в небе раздался орлиный крик: это Прометеев орёл в урочный час спешил на свой кровавый пир. Тогда Геракл схватил свой лук, метнул стрелу в летящего орла и убил его. Мёртвый орёл упал с высоты в море под скалою, и волны унесли его.

Геракл разбил цепь, сковывавшую Прометея, и вынул из его груди алмазное остриё, которым он был прибит к скале. И освобождённый Прометей распрямился, вздохнул всей грудью и просветлёнными глазами смотрел на землю и на героя, принёсшего ему свободу и мир с богами.

Зевс приказал Гефесту сделать кольцо из звена Прометеевой цепи и вставить в него камень — осколок скалы, к которой был прикован титан. Это кольцо Зевс велел Прометею надеть на палец и всегда носить его в знак того, что не нарушено слово владыки мира и навеки Прометей прикован к скале.

Конец Геракла

В битвах, в походах, в странствиях по свету проходила жизнь Геракла. Он обошёл всю Грецию, побывал во многих городах, но нигде не жил долго, и многие годы у него не было ни семьи, ни дома. Но однажды он вспомнил, что в царстве мёртвых обещал своему другу Мелеагру взять в жёны его сестру Деяниру, и отправился в Калидон, где она жила.

В Калидоне в это время шли состязания женихов — многие добивались красавицы Деяниры. Вдруг среди них явился речной бог Ахелой — страшилище с бычьими рогами на голове, с зелёной бородой, по которой струилась вода. Увидев такого соперника, все женихи разбежались. Деянира горько плакала от страха.

Геракл пришёл ей на помощь, вступил в единоборство с Ахелоем и выломал у него один рог. Тогда Ахелой признал себя побеждённым, выпросил у Геракла обратно свой рог, а Деянире подарил взамен чудесный Рог изобилия, наполненный цветами и плодами, которые никогда не переводились в нём.

Геракл женился на Деянире и отправился с женой в город Трахин, где они собирались устраивать свой дом. По дороге им пришлось переходить через реку. Тут они встретили кентавра Несса, который за плату переносил прохожих через реку на своей широкой конской спине. Геракл посадил жену на спину кентавра и пошёл вперёд. Он был уже на середине реки, как вдруг услышал крик Деяниры и, оглянувшись, увидел, что кентавр скачет по берегу, унося похищенную красавицу. Геракл быстро схватил свой лук, и меткая стрела мгновенно догнала кентавра.

Умиравший Несс решил отомстить Гераклу и сказал Деянире:

— Кровь моя течёт из смертельной раны. Собери и сохрани её — в ней чудодейственная сила. Если когда-нибудь Геракл тебя разлюбит, натри моей кровью его одежду — и любовь его вернётся к тебе.

Деянира поверила кентавру, собрала его кровь и спрятала.

Геракл с Деянирой поселились в Трахине, жили дружно. Скоро у них родился сын.

Шли годы. Сын вырос. Геракл часто уходил из дома воевать. Однажды он долго не возвращался из похода, и Деянира сильно

тревожилась. Она собиралась уже послать сына разыскивать отца, но явился вестник от Геракла, сказал, что герой жив и здоров, возвращается домой и посылает вперёд пленных, взятых в чужой стране. Среди пленных Деянира увидела девушку необыкновенной красоты и спросила вестника, кто она. Вестник отвечал лукаво, что это не простая пленница, а дочь побеждённого царя, которую Геракл когда-то хотел взять в жёны.

Деянира видела, что царевна моложе её и красивее, и думала, что Геракл теперь разлюбит её и оставит одну. Она вспомнила предсмертный совет кентавра Несса: его запёкшейся кровью натёрла новую, праздничную одежду, которую сама выткала для мужа, и послала её с гонцом навстречу Гераклу.

Геракл принял подарок жены и захотел тотчас надеть его. Но едва одежда коснулась тела, яд из крови Несса проник в него и точно огонь стал жечь его. Геракл рвал с себя проклятую одежду, но она приросла к телу и причиняла нестерпимую боль. Он пришёл в неистовство, метался, кричал и мучился невыразимо. Когда пришли сказать об этом Деянире, несчастная поняла коварство кентавра.

В отчаянии, что погубила мужа, она бросилась грудью на меч и умерла.

Узнав о смерти жены, Геракл перестал стонать и метаться, собрал последние силы, наломал ветвей в лесу, сложил на холме высокий костёр и накрыл его львиной шкурой. Потом он лёг на неё, позвал сына и просил поджечь костёр.

Но ни сын, ни товарищи не решались исполнить его просьбу.

Вдруг большая чёрная туча закрыла солнце, засверкали молнии, загредел гром. Молния из тучи ударила в костёр и зажгла его. Костёр разгорелся, густой дым поднялся над ним к небу.

Тогда, невидимая в этом дымном облаке, спустилась с неба золотая колесница, и мудрая Афина Паллада умчала на Олимп своего героя. Там встретила Геракла с улыбкой примирения богиня Гера, взяла его за руку и повела на пир богов.

notes

Примечания

1

Кифара — музыкальный струнный инструмент.

2

Кормчий — рулевой.

Варвар — Варварами древние греки и римляне называли всяких чужеземцев.

4

Так древние греки называли народ, живший на крайнем севере Греции.